

Министерство образования Российской Федерации
Удмуртский государственный университет
Институт иностранных языков и литературы

Т.И. Зеленина

**ИНОЯЗЫЧНАЯ И ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА
В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ**

**Опосредованные заимствования
в отдельных лексических подсистемах**

Учебное пособие

Издательский дом "Удмуртский университет"
Ижевск 2001

ББК 81.664.1-3
З 482

Рецензенты:

доктор филологических наук Р.Ш. Насибуллин
кандидат филологических наук Б.Ш. Загуляева

Т.И. Зеленина

З 482 Иноязычная и исконная лексика в удмуртском языке: Опосредованные заимствования в отдельных лексических подсистемах: Учеб. пособие. Ижевск: Изд. дом "Удмуртский университет", 2001. 140 с.

В пособии рассматриваются отдельные тематические группы удмуртского языка, отражающие языковую картину мира, а именно, удмуртская фитонимия, личные имена удмуртов и удмуртский календарь – наиболее древние лексические подсистемы любого языка. Удмуртская лексика анализируется во взаимоотношении с лексикой русского языка – посредника в передаче интернационального в удмуртский язык. Для сопоставительного анализа привлекается языковой материал французского, английского, немецкого и других языков.

Учебное пособие базируется на материалах исследователей и языковом материале, собранном автором. Предназначено для филологов и всех интересующихся историей слов.

ББК 81.664.1-3

ISBN 5-7029-0367-4

© Т.И. Зеленина, 2001

© ИИЯЛ, 2001

ПРЕДИСЛОВИЕ

В образовательных учреждениях Удмуртской Республики на протяжении десятилетий сложилась практика изолированного преподавания удмуртского, русского и иностранных языков.

В Удмуртском государственном университете в последние годы особенно остро стоит проблема многоязычного обучения в условиях реальной учебной практики, а именно:

- В Институте иностранных языков и литературы (ИИЯЛ) – ранее факультет романо-германской филологии – студенты изучают два иностранных языка, например английский и французский (немецкий или испанский). В качестве факультативного преподается третий иностранный язык. Особое место в обучении отводится этнокультуроведческому аспекту.
- В ИИЯЛ открыта новая специальность "Лингвистика и межкультурная коммуникация", в результате чего возникают новые лингводидактические аспекты обучения студентов.
- В учебном плане института появились новые курсы по межкультурной коммуникации, в том числе "Удмуртский язык в контексте финно-угорских языков". Включение в учебный план дисциплин, входящих в региональный компонент, требует осмысления по-новому этнических вопросов, связанных с контактированием языков, в частности русского и удмуртского, а также изучения удмуртского языка в контексте европейских языков.
- На факультете удмуртской филологии несколько лет назад начали готовить учителей удмуртского

и английского (или немецкого) языков. Студенты данного факультета наряду с удмуртским изучают один из финно-угорских языков: финский или венгерский. Вопросы взаимопроникновения культур и языков, как родственных, так и неродственных, становятся также в центре внимания преподавателей.

- При ИИЯЛ на протяжении многих лет создается система непрерывного языкового образования: детская школа "Лингва" (для детей 5–10 лет) → колледж иностранных языков (для детей 5–9 классов) → школа "Юный переводчик" и школа "Абитуриент ИН-ЯЗ" (для учащихся 10–11 классов) → высшее (второе высшее) образование (для студентов) → школа педагогического мастерства "ИН-ЯЗ" (для учителей школ, лицеев и преподавателей вуза). "Запускным" механизмом во всех случаях является иностранный язык (или два) с привлечением русского и удмуртского языков.

Многолетний опыт работы показывает, что система непрерывного языкового образования может стать путем к многоязычию молодого поколения. Главным условием является интегрирование учебных дисциплин, направленных на обучение родному, национальным и иностранным языкам.

В современной педагогической литературе все чаще употребляется термин "интеграция" (И.Л. Бим, А.Н. Утехина, В.М. Филатов и др.). Происходящее в последнее время взаимопроникновение и взаимопреобразование традиционных дисциплин требует определенного пересмотра устоявшейся структуры научного знания и, как следствие, выработки новых подходов к образованию. Появилось требование

перехода от "предметоцентризма к образовательным областям" (А.Г. Асмолов).

В связи с этим продуктивным способом разрешения проблемы многоязычного обучения представляется учет психологических, этнокультуроведческих и языковых аспектов. В основе данной **концепции** лежат следующие идеи:

- язык является средством межкультурного общения и способом освоения этнической и мировой культуры в контексте диалога культур;
- ведущим системообразующим принципом построения концепции обучения является принцип интеграции собственно языковых и социокультурных составляющих содержания обучения;
- главной целью обучения родному, второму и иностранным языкам является формирование этнического самосознания обучающихся (осмысления национальных культурных ценностей) наряду с созданием вариативной и в то же время целостной картины мира. Представляется целесообразным создание модели языкового социокультурного образования с учетом универсальных лингводидактических и региональных особенностей построения процесса обучения языкам.

Таким образом, обращение к интернациональной лексике удмуртского языка представляется обоснованным и своевременным. Оно нацелено на совершенствование процесса обучения языкам в многонациональном регионе, что могло бы способствовать взаимопониманию, взаимодействию и взаимопроникновению различных национальных культур, в частности удмуртской, русской, западноевропейских, в ситуации сохранения их самостоятельной ценности.

ВВЕДЕНИЕ

В заглавии пособия присутствуют два термина: "иностранная лексика" и "заимствования". Мы рассматриваем их как синонимы. Слова, проникшие в удмуртский язык из других языков, являются по отношению к исконно удмуртским словам иноязычными компонентами словаря и в случае их адаптации языком представляют собой заимствования. Иными словами, заимствования можно определить как слова иноязычного происхождения, нашедшие свою "нишу" в системе воспринимающего языка.

Наряду с названными выше терминами мы будем употреблять понятие "интернационализм" как один из видов заимствований. Под интернационализмами понимаются слова, сформировавшиеся на почве одного языка, но получившие распространение в ряде других языков. Понятие существовало в неявной форме издавна, однако обозначающий его термин, созданный на основе английского слова латинского происхождения *international*, впервые был употреблен лишь в 1780 г. В течение XIX в. этот термин был принят в Европе, а в XX в. проник в том же качестве в развитые языки всех континентов (Акуленко 1972).

Проникновение в любой язык иностранных слов – явление закономерное, так как в периоды наиболее интенсивного культурно-экономического общения между странами происходит знакомство с новыми предметами, обмен новыми понятиями и идеями, усвоение иноязычных слов. Это не умаляет национальную самобытность народа, а лишь обогащает словарный состав одного языка за счет словарного состава других языков (Ковалевская 1965: 226). Так, например, ученые считают, что в лексике современного английского языка содержится более 50% одних

только романских заимствований (т. е. заимствований из латыни и главным образом из французского языка). В современном корейском языке насчитывается около 75% слов китайского происхождения (Откупщиков 1986: 113). При этом ни английский, ни корейский языки не перестали быть самостоятельными языками. В период наибольшей диффузности языка в отношении иноязычных вхождений формируются одновременно и силы сопротивления им, возбуждается семантическая и словообразовательная активность исконного состава языка. Появление иноязычной номинативной единицы на любом участке семантического пространства служит, как правило, импульсом, вызывающим контрноминацию силами языка родного. Усвоение неизменно сопровождается творчеством, но и само усвоение предполагает элемент творчества (Биржакова 1972: 5 и др.).

С развитием общества в экономическом, социальном и культурном плане язык и особенно его лексика непрерывно подвергаются изменениям. Этот процесс обуславливает зарождение новых слов, терминов и выражений, обогащающих и развивающих словарный состав языка. В лексике любого языка можно встретить заимствованные и усвоенные иноязычные слова. При этом новые слова включаются в язык в связи с появлением новых предметов и понятий.

С того момента как язык стал объектом исследования, ученые стремились систематизировать языковые средства. Представляет интерес классификация слов с учетом их значения. Слова могут объединяться в группы на основе семантических ассоциаций по сходству и смежности. Ассоциации по смежности объединяют ряд слов,

связанных с определенной темой, поэтому такие группы называются тематическими. Тематические группы могут быть объемными, например, "Человек", "Животный мир", а могут быть разбиты на более дробные: "Части тела", "Моральные качества" и т. п. Тематические группы меньше всего дают для изучения структуры языка, строения звеньев его системы. Но выделение таких групп важно для сопоставительного изучения разных языков или лексики одного языка в разные исторические периоды. Тематические группы помогают проследить связь словарного состава языка с внеязыковой действительностью (Баранникова 1982: 81–82 и др.), т. е. с внешним миром.

Исследователи отмечают, что при всем обилии формально-структурных разысканий на материале разносистемных и разноструктурных языков исследования, посвященные изучению языка как средства и орудия этнической культуры, все еще остаются эпизодическими по времени исполнения и редкими по привлекаемым языковым данным (Тарланов 1995: 74). Если и обращаются к анализу содержательной стороны языка, то чаще всего это ведет к социологическим классификациям, повернутым в сторону политизированных констатаций.

Ментальные представления народа шлифуются, превращаясь в коллективный опыт, в течение веков и тысячелетий, и откладываться они могут лишь в том, что так же непрерывно и долговечно, как и этническое существование, этническая история, – в языке. В силу этого языку принадлежит исключительная роль на путях познания культурно-исторической, культурно-психологической самобытности народа и народов.

Смысл изучения подобного рода проблем сводится не только к тому, чтобы понять самобытность этнических языков и представляемых ими "картин мира" (хотя это само по себе весьма существенно), сколько к тому, чтобы уяснить механизмы, обеспечивающие взаимопонимание между народами в процессе обмена культурными ценностями и опытом жизни (Там же, 74–75; Язык... 1995: 3).

Ментальность народа особенно отчетливо проявляется в процессе номинации того или иного предмета или явления. В данном пособии мы остановимся на рассмотрении отдельных тематических групп удмуртского языка, отражающих языковую картину мира: удмуртской фитонимии (традиционно национальной в разных языках), личных имен удмуртов и удмуртского календаря (интернациональных во многих языках) – наиболее древних лексических подсистем любого языка. Эти лексические подсистемы будут рассматриваться во взаимоотношении и в сопоставлении с русским языком – посредником в передаче интернационального в удмуртский язык. Для сопоставительного анализа привлекается языковой материал французского, английского, немецкого и других языков.

Раздел 1. НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В УДМУРТСКОЙ ФИТОНИМИИ

Растения относятся, с одной стороны, к материальной культуре (атрибут места жительства), с другой стороны, касаются духовной культуры. Они могут рассказать о традициях, обычаях народа.

Традиционно к растениям обращаются две категории исследователей: ботаники и лингвисты. Первых интересует структура растений, их свойства, места произрастания и т.д. Языковеды изучают ботаническую лексику, так называемые фитонимы. На материале разных языков ботанические наименования исследуются с точки зрения словообразовательной структуры, семантики, диалектных особенностей, этимологии.

Растения сопутствуют человеку с первых шагов его появления в мир. В каждом языке имеется национальная лексика для обозначения растений, которые окружают человека издревле. В дальнейшем этот лексический пласт пополняется также за счет заимствованных слов.

1.1. Принципы номинации растений в удмуртском языке

Назвать и сообщить – вот те две стороны, две главные, взаимосвязанные функции языка, которые современная наука определяет как "номинативную" (т. е. называющую, от лат. *nominatio* "название") и "коммуникативную" (способствующую коммуникации, от лат. *communicatio* "общение").

Описанию языковой картины мира в её фрагментах способствует *когнитивно-ономасиологический* подход, который ориентирован на мотивационные и номинативные модели, воплощающие во внутренней форме названий определенного класса информацию об обозначаемых объектах. Особым аспектом при таком подходе к описанию языковой картины мира должно стоять выявление причин вариативности номинации и особенностей восприятия информации через внутреннюю форму слова. Мотивационная рефлексия есть одно из генетически заданных направлений актуализации представлений об обозначаемом (Коновалова 2001: 4).

В аспекте когнитивной ориентации ученые изучают типы ономасиологических структур. Под ономасиологической структурой понимается "совокупность существующих в системе языка моделей номинации, с разной степенью абстракции воплощающих представления говорящих о возможностях обозначения объектов определенного класса. Ономасиологическая структура включает в себя представления о возможных принципах номинации, средствах номинации и способах номинации" (Гридина 1982: 32; Коновалова 2001: 46). *Принцип номинации* отражает типовые основания для обозначения объектов определенного класса (например, для класса растений номинации по запаху, цвету, вкусу, целебным свойствам и т. п.); типовые *средства номинации* показывают, с помощью каких конкретных языковых средств наиболее регулярно обозначаются объекты разных классов при установке называющего на определенные принципы номинаций; *способ номинации* представляет собой механизм

воплощения мотивировочного признака прямым или опосредованным (метафорическим или метонимическим) способами. Эти механизмы также в известной степени основываются на существующих в сознании номинатора стереотипах ассоциативного соотношения какого-либо признака называемого типа объектов с конкретным названием (Гридина 1982: 32; Коновалова 2001: 46).

Исследования, посвященные изучению номинативной функции, основаны, как правило, на материале разных тематических групп. Изучение лексики в тематическом аспекте имеет серьезные преимущества, обусловленные тем, что слово анализируется в его связи с обозначаемой реалией и одновременно в соотношении с другими словами тематической группы.

Финно-угроведы, изучавшие фитонимы отмечают, что названия растений создают, как правило, четкие и однозначные ассоциации, не вызывая в сознании носителей языка ассоциативных связей с названиями других реалий. Многие из них этимологизируются на финно-угорском уровне, поскольку имеют соответствия в других финно-угорских языках. Правда, иногда они могут разойтись в лексическом значении. Например:

удм.: *сирпу* "вяз"

морд.: *сирть* (*сирек*)

мар.: *шөрва* "яшень"

фин.: *saarni* (Гребнева 1987: 66–68).

Слова подобного рода рассматриваются как исконные лексические единицы. В составе исконного фонда удмуртских фитонимов ученые выделяют названия финно-угорского, финно-пермского, общепермского и собственно удмуртского проис-

хождения. Рассмотрим название растений в удмуртских диалектах:

1) **финно-угорское происхождение:** *йõны, йõнь, д'õны* (ср. коми *йõн*) "осот" < общеперм. "осот, колючая сорная трава или кустарник" < доперм. * *jũny* "высокая колючая трава (кустарник)"; периф. *кумиз*, сев. *кумыз* "дикий лук (черемша)" (ср. коми *комидз*) < общеперм. "лук, чеснок, острая приправа" < доперм. * *kos'tz*;

2) **финно-пермское происхождение:** юж. *кузи, кузъкуар*; периф. *кус турым* "щавель кислый"; юж. *кузи, конъ кузъкуар*, сев. *коны кучкылак, с/ала кучкылак* "кислица"; коми *вõвкудз* "конский щавель" < общеперм. "щавель" < доперм. * *kač'z* "кислый, соленый, горький";

3) **общепермское происхождение:** юж. *пъштуръм, пыштурым*, сев. *пычкылон* "душица" (< *пыш* < *пыч* "блоха" + *турын* "трава"); коми *пыти кулан турун* "почечуйная трава", "блошница, душица"; юж., сев., средн. периф. *туг*, коми *таг* "хмель" < общеперм. * *tag* "хмель (растение)";

4) **удмуртское происхождение:** юж. *коныгумы, ымдурэ йõттонтэм гумъ, ымдур сõрон гумы*, сев. *коны гумы*, периф. *ымдур ышылдырон гумы* "пастернак дикий"; юж. *гырлысаска ~ узы сийон саска*, сев. *кўакапурты*, периф. *лыз с'айска* "колокольчик" (Загуляева 1987: 75–76).

Исследователи выделяют в удмуртских названиях растений *слова-заимствования*.

Наиболее древний, но незначительный слой лексики составляют индо-иранские заимствования. Их общее количество не превышает 110 словарных единиц. Среди них выявлено несколько слов, обозначающих названия растений:

кэнэм "конопля"

ээ "рожь"

с'эз'ы "овес"

бериз' "липа"

турын "трава"

гумы "стебель"

Эти слова, по данным исследователей, проникли еще в общефинно-угорский и общепермский языковые периоды (Основы... 1976: 217–218; Лыткин 1951: 385–392; Тараканов 1982: 34).

В словарном составе удмуртского языка наиболее мощный пласт заимствований образуют слова тюркского и русского происхождения, проникшие уже в период самостоятельного развития удмуртского языка.

Тюркским заимствованиям в удмуртском языке посвящено исследование И.В. Тараканова (1982). Автор изучил исторические контакты, в результате которых в удмуртском языке появились заимствованные слова. В связи с продолжительным взаимодействием тюркских и удмуртского языков в отдельных диалектах удмуртского языка обнаружено около 2000 тюркских заимствований. Среди них автор выделил слова древнетюркского происхождения, болгарские и татарские. Так, удмуртский язык использует в группе фитонимов булгаризмы (автор почерпнул их в основном из работы Ю. Вихмана):

сугон "лук"

бутник "мята"

сяська "цветок"

кубиста "капуста"

калямпэр "гвоздика, тмин обыкновенный"

улмо "яблоко" (Тараканов 1982: 36–61).

Большинство болгарских слов относится к усвоенным и освоенным заимствованным словам. На почве удмуртского языка они подверглись фонетической и морфологической адаптации.

Например, слово *сяська* имеет целый словообразовательный ряд:

сяська "цветок"

сяскаяям прич. и сущ. от *сяскаяны*

сяскаяян сущ. от *сяскаяны*

сяскаяны "цвести, расцвести, расцветать"
(прям., перен.)

сяскаяяськем прич. и сущ. от *сяскаяяськыны*

сяскаяяськон "цветение, расцветание, расцвет"
(прям., перен.)

сяскаяяськылыны многокр. от *сяскаяяськыны*

сяскаяяськыны "расцветать, цвести, расцвести"

сяськаё "цветистый", "цветковый"

сяскаяяськись "цветковый", "цветущий"

(УРСл. 1983: 408; РУСл. 1956: 1207–1208).

К татарским заимствованиям относятся следующие слова:

абалгы "папоротник"

арыкман "лопух"

арбуз "арбуз"

занлатурын "сочевичник весенний, мать-и-мачеха"

камыш "камыш"

кузькылак "щавель"

сарана "лилия, царские кудри"

арым "полынь"

сарда "снять обыкновенная"

тамак "табак"

туймы "лютик" (Тараканов 1982: 61; Загуляева 1987: 76).

Наряду с исконными и тюркскими фитонимами в удмуртском языке употребляются русские: *мята* (м'ата), *полынь* (сев. полын', южн. полин'), *лебеда* (сев. л'эбэда), *анис* (сев. ан'ис, южн. ан'ис, ан'ъс) (Загуляева 1987: 76).

Удмуртский эколог Н.Г. Ильминских считает, что местные фитонимы, аккумулирующие в себе многовековой народный опыт, народную мудрость, призваны играть немаловажную роль в деле экологического воспитания и образования населения. Он провел изучение названий растений в некоторых районах Удмуртской Республики.

Народные названия растений дают богатый материал для размышлений как лингвистам, так и ботаникам. Лингвисты определяют, как происходила трансформация слов, каковы были закономерности заимствования слов из одного языка в другой. Расшифровка названий позволяет флористам пролить свет на процесс исторической динамики флоры, на характер взаимоотношения человека и природы в прошлом. Особый интерес представляют заимствованные фитонимы. Последние могут косвенно отражать факт миграции растения из области расселения одной народности в область расселения другой. Чем теснее и длительнее экономические связи разных народов, тем больше заимствований в их языках, в том числе и заимствованных фитонимов.

Удмурты и русские – давние соседи. Не случайно в удмуртском языке много фитонимов русского происхождения. Поскольку заселение Вятско-Камского междуречья русскими переселенцами шло в направлении с северо-запада на юго-восток, то можно было бы ожидать, что в силу более длительного контакта наибольшее число заимствований будет на крайнем северо-западе современной территории Удмуртии. Опрос населения, сделанный Н.Г. Ильминских, полностью подтвердил данное предположение.

Так, в селе Елово Ярского района (северо-запад Удмуртии) из 50 самых распространенных видов растений 12 имели русские (или искаженные русские) фитонимы:

кислая ива "горец щавелелистный"

чэмэрица "чемерица лобеля"

плауна "плаун булавовидный" и др.

и 6 – смешанные:

пуны лапа "кошачья лапка двудомная", букв. "собачья лапа"

звэрока турын "зверобой продырявленный", букв. "звериная трава"

тöды кровенник "тысячелистник обыкновенный", букв. "белый кровенник" и др.

Напротив, в деревнях Дебесского района (юго-восточная часть Удмуртии) все 70 видов растений, предложенных для опроса среди удмуртского населения, имели удмуртские фитонимы. Лишь одно растение "чистотел" имело два варианта: удмуртское *чучытурын* и русское *чистотел* (букв. "чистое тело").

В селе Елово автор обнаружил и обратные заимствования, т.е. использование удмуртских фитонимов русским населением, например: *валбыш* "щавель курчавый" (удм. *валбыж*, букв. "лошадиный хвост").

Вероятно, раньше удмуртских (или, шире, угро-финских) заимствований в русской фитонимии было больше (Ильминских 1987: 91–92).

Исследователи различают первичную и вторичную номинации. Акты прямой (первичной) номинации при помощи слов примечательны тем, что они одновременно сопряжены с опредмечиванием человеком объективного мира, со всеми этапами его общественного опыта и трудовой деятельностью, с

выделением и обобщением необходимого и существенного в предмете познания (Уфимцева 1977: 8). Большая часть самого древнего пласта лексики появилась в процессе первичной номинации. Это слова немотивированные, первообразные. Анализ древних слов, обозначающих растительный мир в удмуртском языке, подтверждает это.

В современных языках сохранилось очень мало первообразных наименований, успевших претерпеть существенные семантические изменения, зачастую раскрываемые только при помощи этимологического анализа. Подавляющее же большинство слов являются продуктами вторичной номинации (В.Н. Телия).

В любом языке есть несоответствие между постоянно обновляющейся системой понятий, каждое из которых должно быть обозначено словесно, т. е. материальными ресурсами языка: если развитие первых не имеет предела и, следовательно, объем совокупности понятий может быть сколь угодно большим, то номинативные средства языка, служащие для обозначения этих понятий, представляют собой величину конечную (Щетинкин 1984: 137). Таким образом, вторичная лексическая номинация – это использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения. Тут мы вплотную подходим к вопросу о *мотивации*.

Термин "мотивация" используется для обозначения отношений, существующих между морфемным и фонетическим составом и структурной моделью слова, с одной стороны, и его значением, с другой. Следовательно, слово можно считать мотивированным, если в нем данное содержание поддается более или менее непосредственному соотносению с соответствующим выражением, если

оно имеет открытую семантическую структуру, поддается разложению на лексические морфемы (Ахманова 1966: 244).

Известно, что лексика названий растений как номинативная по своей природе тесно связана с реальной действительностью и отражает реальные свойства растений: их форму, цвет, вкус, характер цветения, способ употребления и т.д. Часто без знания этих свойств невозможно определить этимологию названия. Рассмотрим принципы номинации при обозначении растений в удмуртском языке.

Обозначая то или иное растение, человек пытался закрепить в названиях свой практический опыт. Проанализированный нами языковой материал, а также изучение лингвистической литературы позволили выявить следующие способы номинации:

1. Наиболее распространены названия растений, в основе которых лежит **внешний вид** (выделяются слова с семой "цвет"):

а) *тӧдъы* "белый":

тӧдъы пот "лебеда белая"

тӧдъы пушнер "крапива глухая", букв. "белая крапива"

тӧдъы гырлы "ландыш", букв. "белый колокол"

тӧдъы сясъка "ромашка", букв. "белый цветок"

[ср. в коми языке *катшасин* "ромашка" < архаическая форма * *каӥ* "белый" (А.Н. Ракин)];

б) *сьӧд* "черный":

сьӧд йӧны "осот", букв. "черный осот"

сьӧд порни "пикульник"

сьӧд пот "чернобыльник", букв. "черная лебеда"

сьод пушнер "пустырник", букв. "черная крапива"

в) другие наименования цвета:

лыз сяська "василек", букв. "синий цветок"

лызйырсяська, лызйыр "василек", букв. "синяя голова"

вож пот "полынь горькая", букв. "зеленая лебеда"

џуж вумулы "кубышка желтая", букв. "желтая водяная ягода"

бусйрсяська "анютины глазки", букв. "фиолетовый цветок"

џуж сяська "ромашка желтая", "купавка красильная", букв. "желтый цветок".

2. Основа наименования – **место произрастания**:

туймы чук "лютик", букв. "туйминская кисть"

вусяська "кувшинка", букв. "водяной цветок"

тодды вусяська "белая кувшинка", букв. "белый водяной цветок"

ву турын "водоросль", букв. "водяная трава"

вукуар "мать-и-мачеха", букв. "водяной лист"

ву италмас "калужница", букв. "водяная купальница" (италмас "лазоревый цветок" – местное название в Удмуртии)

џег сяська диал. "василек" (*џег* "рожь"), т.е. цветок, растущий во ржи

лымыпырсяська "подснежник", букв. "(проходящий) сквозь снег" (*лымы* "снег" + *пыр* "через, сквозь").

3. Растения могут быть названы по имеющимся **названиям животных и птиц**, зачастую по сходству с **их частями тела**, так называемая "зооморфная метафора" (Коновалова 2001: 124):

кечтуш "козлобородник луговой", букв. "козлиная борода"
кыкы сяська "дрема", букв. "кукушечий цветок"
коньыбыж "хвощ луговой", букв. "беличий хвост"
күрегыд "амаранд колосистый", букв. "куриная нога"
парсьпель "борщевик обыкновенный", букв. "свиное ухо"
скал колыс "борщевик", букв. "коровий борщевик"
сяласин "ландыш", букв. "рябчиковый глаз"
турикук "папоротник", букв. "журавлиная нога"
Эольгыри кенэм "неслия" (сорная трава) (*Эольгыри* "воробей" + *кенэм* "конопля"),
 букв. "воробьиная конопля"
горд Эольгыры "чечевица" (*горд* "красный" + *Эольгыры* "воробей").

Некоторые названия животных и птиц используются при номинации растений достаточно часто. Рассмотрим некоторые из них:

пуны "собака":

пуныжилы "одуванчик" (*жилы* "цепь"), букв. "собачья цепь"
пунывесь "паслен черный", букв. "собачьи бусы"
пунысюл "вьюнок" (*сюл* "кишка"), букв. "собачья кишка"
пуныкөжы "проскурняк" (*көжы* "горох"), букв. "собачий горох"
пуныкыль "змееголовник тимьяноцветный" (*кыль* "заразная болезнь", "горячка"), букв. "собачья горячка"
пуныльём "крушина" (*льём* "черемуха"), букв. "собачья черемуха"

пунылюгы диал. "липучка, череда" (*люгы* "репейник"), букв. "собачий репейник"
пуныноны "клевер кошачий" (*ноны* "сосок", "грудь"), букв. прост. "сучье вымя"
пуныпот диал. "лебеда" (*пот* "лебеда"), букв. "собачья лебеда"
пунысутэр "жимолость" (*сутэр* "смородина"), букв. "собачья смородина"
пунысартчы "просвирняк обыкновенный" (*сартчы* "репа"), букв. "собачья репа"
пунычабей "горец вьюнковый" (*чабей* "пшеница"), букв. "собачья пшеница";

кый "змея":

кыйбоды "татарник, чертополох" (*боды* "палка, трость"), букв. "змеиная палка"
кыйжуй "плаун булавовидный" (*жуй* "мох, лишайник"), букв. "змеиный лишайник"
кыйкыл "гусиный лук" (*кыл* "язык"), букв. "змеиный язык"
кыйсин, кыйсинсяска "анютины глазки" (*син* "глаз"), букв. "змеиный глаз"
кыйгибы диал. "поганка" (*гибы* диал. "гриб"), букв. "змеиный гриб";

куака "ворона":

куакагырлы, куакапурты "колокольчик" (*гырлы* "колокол", *пурты* "котел"), букв. "вороний колокол" или "вороний котел"
куакасутэр "паслен" (*сутэр* "смородина"), букв. "воронья смородина"
куакамульы "морошка" (*мульы* "ягода"), букв. "воронья ягода"
куакасин "анютины глазки" (*син* "глаз"), букв. "вороний глаз";

Ѕазег "гусь":

Ѕазеглюгы "чередa" (*люгы* "репейник", "лопух"),
букв. "гуcиный репейник"

Ѕазег сугон "гуcиный лук, птицемлечник" (*сугон*
"лук")

Ѕазегпыд, Ѕазегтурын "амарант", "лапчатка
гуcиная" (*пыд* "нога" "лапа"), букв.
"гуcиная лапа" или "гуcиная трава"

Ѕазегсить сяська диал. "тысячелистник" (*сить*
"кал").

4. Основа номинации – **вкусовые качества, запах:**
курыт гумы "свербига", букв. "горький
стебель"

чырс турын "щавель", букв. "кислая трава"

курыт пот "полынь горькая"

урбо турын "клоповник", букв. "клоповая
трава"

вёёсяська диал. "лютик ползучий", букв.
"масличный цветок" (*вёё* "масленный,
масличный").

5. В основе номинации лежит **полезность растений в жизни человека:**

чай турын "зверобой", букв. "чайная трава"

пиньтурын "белена", букв. "зубная трава"

зыр быдтїсь "чистотел", букв. "уничтожающий
бородавку"

кõл турын "пижма", букв. "глистная трава"

йõло жуксяська, йõло жук "тысячелистник" (*йõло*
"высокоудойный" "молочный",
"содержащий млечный сок" + *жук* "каша")

узы сиён сяська, узы сиён "колокольчик" (*узы*
"земляника" + *сиён* "пища, еда").

6. Названия растений, связанные с **суеверными представлениями:**

йашъён сяська "фиалка" < *йашъён* "удар грома" + *сяська* "цветок" – по народному поверью запрещалось срывать эти цветы, в противном случае может ударить гром

йыр берыктон сяська (турын) "белена" < *йырзэ берыктон* "привораживание" (*йыр* "голова" + *берыктон* "возврат") + *сяська* "цветок" (*турын* "травя") – по поверью настой этой травы может помочь девушке сделать мужем любого юношу

инмар сяська "гвоздика" < *инмар* "бог" + *сяська* "цветок", букв. "божий цветок", поэтому срывать его нельзя (С.В. Соколов).

Обращает на себя внимание то, что в удмуртской фитонимии выделяются слова, которые являются вторым компонентом сложных слов, обозначающих ботанические понятия.

Чаще всего употребляется слово **сяська** "цветок". Первым компонентом может быть явление природы, название животного (птицы, насекомого), часть тела животных, обозначение цвета, какого-то предмета, бога и т.д.:

гудырисяська "калужница" (*гудыри* "гром")

даул сяська "калужница болотная" (диал. *даул*, *дау* "буря, ураган")

тёлсяська "пустоцвет" (*тёл* "ветер")

кечсин сяська "подснежник" (*кеч* "коза" + *син* "глаз"), букв. "козий глаз"

дуринчи сяська "цикорий обыкновенный" (*дуринчи* "оса"), букв. "осиный цветок"

лобысяська диал. "одуванчик" (*лобы* диал. "божья коровка")

џужйыр сяська "пупавка красильная" (*џужйыр*
 "овсянка" (птица) < *џуж* "желтый" + *йыр*
 "голова")
тэжит сяська "гвоздика луговая, смолка" (*тэжит*
 "деготь")
џускиё сяська "хохлатка" (*џускиё* "с гребешком",
 "с гроздьями")
досьмак сяська "тысячелистник" (*досьмак* диал.
 "большая ватрушка, шаньга")
инџы сяська "пижма" (*инџы* "жемчуг",
 "перламутр"), букв. "перламутровый
 цветок"
инвожосяська "смолевка", "дрема лесная" (рел.
 уст. *Инвожо* – бог полудня)
герберсяська "гвоздика" (*гербер* – праздник в
 честь окончания сева яровых; рел. уст.
 Петров день). Ср. тж. выше *инмар сяська*
 "гвоздика", букв. "божий цветок".

Слово *сяська* употребляется внутри слова, т.е. пишется слитно, выступает в качестве отдельного слова или может быть выражено имплицитно. Об имплицитности свидетельствуют названия растений, которые могут одновременно употребляться как со словом *сяська*, так и без него (ср. *бадьянсяська*, *бадьян* "анис"; *мак сяська*, *мак* "мак"; *йёлоџуксяська*, *йёлоџук* "тысячелистник"; *узы сиён сяська*, *узы сиён* "колокольчик"; *кыйсинсяська*, *кыйсин* "анютины глазки" и др.). Исходя из этого, можно предположить, что в более ранние периоды развития удмуртского языка названий со словом *сяська* было значительно больше.

К этой же серии относится слово **турын** "трава", являющееся довольно употребительным в качестве второго компонента сложных слов. В основе номинации слов, использующих этот компонент,

лежат, как правило, те же принципы, зачастую это свойства растений:

виртурын "зверобой" (*вир* "кровь")

занлатурын "сочевичник весенний" (*занла* диал. "ревматизм")

йöлотурын "молочай" (*йöло* "дающий много молока")

кузьыттурын "щавель" (*кузьыт* "соленый")

кузял турын "полынь" (*кузял* "горький")

пöсьтурын "перец стручковый" (*пöсь* "горячий")

тöрнан турын "лилия" (*тöрнан* "распухшие", "отекающие")

чучытурын "чистотел" (*чучы* диал. "короста" – у ребенка на голове)

зöльгыри турын "птичья гречиха" (*зöльгыри* "воробей"), букв. "воробьиная трава" и др.

Фитонимы с исходным значением "трава" (ср. *быль*, *зять*) известны, в частности, русскому языку, но в них обычно утрачиваются номинативные единицы, войдя в состав корневых морфем сложного слова: *чернобыльник*, *чернозьябенник* (Коновалова 2001: 10).

Участие регулярно повторяющегося компонента в создании сложных слов мы наблюдаем в удмуртском языке также в названиях ягод, плодов, корнеплодов:

мульы "ягода", "плод":

кудымульы "черника" (*куды* "лукошко")

нюрмульы "клюква" (*нюр* "болото"), т.е. ягода, произрастающая на болоте

пунымульы "волчьи ягоды" (*пуны* "собака"), букв. "собачья ягода"

пушмульы "орехи" (*пуш* "внутренность"), т.е. плод, находящийся внутри

тыпымульы "желудь" (*тыпы* "дуб"), т.е. плод дуба

ягмульы "брусника" (*яг* "бор"), т.е. ягода, произрастающая в бору;

кушман "корнеплод":

горд кушман "свекла столовая" (*горд* "красный")
куруйт кушман, тӧдьы кушман "редька" (*куруйт*
"горький", *тӧдьы* "белый")

луд кушман "редька дикая" (*луд* "поле")

ӗуж кушман "морковь" (*ӗуж* "желтый")

юмал кушман "брюква столовая" (*юмал*
"пресный").

При названии растений, в том числе, ягод и овощей, носители удмуртского языка использовали уже имеющиеся слова, обозначающие другой вид растений, например:

пот "лебеда", диал. "полынь":

тӧдьы пот "белая лебеда", диал. (*тӧдьы*
"белый")

вож пот "марь белая" (*вож* "зелёный")

куруйт пот "полынь горькая" (*куруйт* "горький")

сьӧд пот "чернобыльник" (*сьӧд* "черный").

Часто в этом случае употребляется прилагательное **сьӧд** "черный":

сьӧд кӧжы "бобы" (*кӧжы* "горох"), букв.
"черный горох"

сьӧд льӧм "крушина" (*льӧм* "черемуха"), букв.
"черная черемуха"

сьӧд намер "ежевика" (*намер* "костяника"), букв.
"черная костяника".

Таким образом, как показывает материал, удмуртские фитонимы являются, как правило, продуктом вторичной номинации и созданы в самом удмуртском языке, т.е. относятся к исконному фонду удмуртского языка.

1.2. Принципы номинации растений в русском языке. Интернациональная лексика (в контексте изучения удмуртских фитонимов)

Как отмечают исследователи, в последние десятилетия XX в. возрос интерес лингвистов к исследованию народной фитонимии в разных аспектах (Коновалова 2001: 6–7): анализируются словообразовательные особенности ботанической лексики русского и других языков (Ряховская 1967; Закревская 1970; Шеулина 1975; Рубченко 1986); исследуется этимология названий растений, функционирующих в литературном языке и говорах (Марсакова 1973; Боброва 1976); рассматривается становление ботанической терминосистемы и принципы разграничения терминологии и номенклатуры (Шарашова 1968); предпринимаются попытки комплексного описания фитонимии конкретного диалекта (Арьянова 1989 и др.); описываются отдельные тематические группы фитонимической лексики современного русского литературного языка.

В данном разделе мы рассмотрим русские и интернациональные фитонимы в контексте изучения удмуртских фитонимов. В связи с этим проанализируем принципы номинации растений.

1. Многие цветы и растения названы **по внешнему виду**.

Название может отражать форму растения, листьев, цветка, корней, семян, а также их цвет: *гвоздика* (цветок назван по сходству с гвоздем), *остролист* (концы у листьев заострены), *тысячелистник* (растение имеет множество листьев), *шиповник* (ветки кустарника густо усыпаны шипами), *костяника* (ягоды имеют косточки), *ноготки* (семена

напоминают когти животных), *горицвет* (растения ярко-красного цвета), *белоус* (высохшие листья белоуса свисают как усы старика), *стальник* (листья бледно-серого цвета, цвета стали), *голубика* (имеет плоды голубоватого цвета), *черемуха* (слово образовано от несохранившегося *черема* "смуглая" – название дано по цвету ягод) и др.

Интернациональные слова*:

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
aster	aster	Aster	астра
cactus	cactus	Kaktus	кактус
edelweiss	edelweiss	Edelweiss	эдельвейс
luzerne	lucerne	Luzerne	люцерна
phlox	phlox	Phlox	флокс
<i>aster</i> "астра" XVI в. < лат. <i>astrum</i> < греч. <i>astēr</i> "звезда" – цветок напоминает форму звезды			
<i>cactus</i> "кактус" XVIII в. < лат. <i>cactus</i> < греч. <i>kaktos</i> "артишок колючий"			
<i>edelweiss</i> "эдельвейс" XIX в. < нем. <i>edel</i> "благородный" + <i>weiss</i> "белый"			
<i>luzerne</i> "люцерна" XVI в. < прованс. <i>luzerno</i> "светлячок" (червь) < лат. <i>lucerna</i> "свеча, светильник" – люцерна имеет блестящие зерна			
<i>phlox</i> "флокс" XVIII в. < греч. <i>phlox</i> "пламя, факел" – наиболее распространенный вид этого растения имел красные цветы.			

К фразеологическим интернациональным калькам можно отнести слово *пастушья сумка*: фр. *bourse-à-pasteur* (*bourse* "кошелек" + *pasteur* "пастух"), англ. *shepherd's purse* (*shepherd* "пастух" + *purse*

* Этимология интернациональных названий растений дается через французское слово

"кошелек"), нем. Taschenkraut (Tasche "сумка" + Kraut "травя, ботва") – растение имеет семена в виде кошелька.

2. Номинация растений – **время и место произрастания:**

безвременник, бессмертник, денная красавица, вечерица, морозник, тысячелетник, болотник (любит влажные места), *купальница* (растет у воды), *пролеска* (растет в лесах), *солерос* (предпочитает почву, насыщенную солями), *подорожник* (растет вдоль дорог) и др.

Интернациональные слова:

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
<i>anémone</i>	<i>anemone</i>	<i>Anemone</i>	анемона
<i>immortelle</i>	<i>immortelle</i>	<i>Immortellen</i>	бессмертник
<i>primevère</i>	<i>primula,</i> <i>primrose</i>	<i>Primel</i>	примула

anémone "анемона" XIV в. < лат. *anemone* < греч. *anemonê* < *anemos* "ветер" – анемона растет на обдуваемых ветром местах

immortelle "бессмертник" < *im-* отрицательная приставка + *mort* "смерть" – цветы в засушенном виде длительное время могут стоять в вазе, не изменяя вида. В русском языке, как и в других европейских языках, слово является словообразовательной калькой (предлог "без" + "смерть")

primevère "первоцвет, примула" < *primevoire*; в средние века означало "весна" – растение цветет в начале весны < лат. *primus* "первый" + *ver, veris* "весна". В русском языке – латинизированная форма.

3. Связь с животными, птицами и насекомыми:

львиный зев, медвежье ушко, павлиньи глазки, петушиный гребешок, вороний глаз, птицемлечник, зверобой, змеедушник, ястребинка.

Интернациональные слова:

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
<i>aspidistra</i>	<i>aspidistra</i>	<i>Aspidistra</i>	аспидистра
<i>géranium</i>	<i>geranium</i>	<i>Geranie</i>	герань
<i>lupin</i>	<i>lupin(e)</i>	<i>Lupine</i>	люпин
<i>pélarгонium</i>	<i>pelargonium</i>	<i>Pelargonie</i>	пеларгония

aspidistra "аспидистра" < греч. *aspidis* "змея" + *tra* "показ" – в зарослях этого растения любят прятаться ядовитые змеи; напоминает змею и серое изогнутое корневище растения

géranium "герань" XVI в. < лат. *geranium* < греч. *geranos* "журавль" – семена герани напоминают клюв журавля

lupin "люпин" XIII в. < лат. *lupinus*, букв. "волчий горох"

pélarгонium "пеларгония" XIX в. < греч. *pelargos* "аист" – семена похожи на клюв аиста.

4. Свойства растений (запах, вкус, особые качества):

водосбор (после росы цветков всегда наполнен водой), *мать-и-мачеха* (снизу листья пушистые и мягкие как прикосновение материнской руки, сверху – холодные – это "мачеха"), *недотрога* (семена из зеленых коробочек разбрасываются, если до них дотронуться), *одуванчик* (если дуть на одуванчик, в разные стороны разлетаются семена), *пижма* (пришло через польский *piżmo* "мускус" – растение имеет сильный аромат), *лютик* (от прилагат. *лютый* – растение названо по его едкому, лютому соку), *медуница* (от слова *мед*) и др.

Интернациональные слова:

фр.	англ.	нем.	рус., удм.
azalée	azalea	Azalee, Azalie	азалия
liane	liana	Liane	лиана
mimosa	mimosa	Mimose	мимоза
olive	olive	Olive	олива [+ маслина]
tournesol	sunflower	Sonnenblume	подсолнечник, [удм. шундыберган]

azalée "азалия" < лат. *azalea* < греч. *azaleos* "осушающий" – растение обладает осушающим свойством

liane "лиана" XVII в. < *lier* "вязать, связывать" < лат. *ligare* – то же

mimosa "мимоза" XVII в. < лат. *mimosa* < *mimus* "мим", т.е. "гримасничающий" – названо по свойству листьев сжиматься

olive "олива, маслина" XI в. < прованс. *oliva* < лат. *oliva* – то же (*oleum* "растительное масло") – плоды имеют маслянистую консистенцию. В русском языке слово *маслина* является калькой

tournesol "подсолнух" < *tourner* "вращать" + *soleil* "солнце" < итал. *tornasole* – головка подсолнуха поворачивается к солнцу. Во всех рассмотренных языках в этом слове отражена сема "солнце". Ср. в удм. *шундыберган* (*шунды* "солнце" + *берган* "вращение" < *берганы* "кружиться, вращаться").

К данной группе слов можно отнести название цветка *незабудка*. Имеется поверье, что цветы эти, якобы, имеют свойство оставлять память о человеке, их подарившем. В европейских языках в этом слове

заложена сема "не забывай", "не забывайте": фр. *ne t'oubliez-pas*, англ. *forget-me-not*, нем. *Vergißmeinnicht*, т.е. это фразеологические кальки. В удм. параллельно с русским заимствованием существует иное название: *бусйр сяська*, букв. "фиолетовый цветок".

5. Полезность растений, его лечебные качества:

донник (*донной* – древнее название подагры; словом *дна* раньше обозначали болезни нижней части брюшной полости и подагры), *дягиль* (старое *дягльи* означало "крепкий, здоровый, сильный", *дягнуть* "поправляться"), *очанка* (< *очи* – в народе используется против глазных болезней), *чистотел* (в его отваре купали детей – снимает чесотку и золотуху, делает "тело чистым"), *чертополох* (т.е. полощить черта – применяли для окуривания хлебов, чтобы сохранить скотину от нечистой силы и болезней).

Интернациональные слова:

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
<i>belladone</i>	<i>belladonna</i>	<i>Belladonna</i>	белладонна
<i>lavande</i>	<i>lavender</i>	<i>Lavendel</i>	лаванда
<i>réséda</i>	<i>reseda</i>	<i>Reseda</i>	резеда

belladone "белладонна, красавка" XVI в. < итал. *belladonna* < *bella donna* "прекрасная дева", т.е. красивая женщина – при применении этого растения человек становится здоровым

lavande "лаванда" XIII в. < итал. *lavanda* "служащая для умывания" – использовали для ароматизации туалетной воды

réséda "резеда" XVI в. < лат. *reseda* – императив от *resedare* "успокаивать" – растение обладает успокаивающим действием.

6. Названы в честь **богов и мифологических героев:**

В русском языке мифологические герои в названиях растений встречаются только в интернациональных словах:

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
adonis	adonis	Adonis	адонис
iris	iris	Iris	ирис
myrte	myrtle	Myrte	мирт(а)
menthe	mint	Minze	мята

adonis "адонис" XVII в. < лат. Adonis < греч. Adōnis. Адонис – греческий мифологический герой, бог весны

iris "ирис" XVII в. < лат. iris < греч. iris, букв. "радуга" – древние греки окрестили растение по имени богини радуги, т.к. считали, что оно возникло из кусочков радуги, опавшей на землю. Цветок имеет радужную окраску

myrte "мирта" XIII в. < лат. myrtus < греч. murtos – мифологическое имя

menthe "мята" XIII в. < лат. mentha < греч. minthê. Мента – греческая богиня, нимфа воды, лесов, гор.

7. Большое количество цветов и растений названы по имени, чаще всего **в честь какого-либо ботаника, ученого, натуралиста:**

василек (Василий), *Иван-чай* (Иван) – из него изготовлялся русский чай, *марьянник* (Марья), *Иван-да-Марья*.

В названии последнего цветка два имени: *Иван* и *Марья* по причине двух резко отличающихся друг от друга окрасок этого цветка: один цвет – Иван, другой – Марья. Название связывают с легендой о

брате и сестре, которые не зная о своем родстве, поженились, и, чтобы не разлучаться, превратились в этот цветок (Маслов 1975: 136).

Большинство фитонимов, заключающих в себе имена собственные, носят интернациональный характер: *бегония, вистерия, виктория, георгин, гербера, гортензия, далия, диффербахия, камелия, каттлея, кларкия, кобея, линнея, магнолия, сансевьера, традесканция, фуксия* и др.

Интернациональные слова:

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
<i>bégonia</i>	<i>begonia</i>	<i>Begonie</i>	бегония
<i>camélia</i>	<i>camellia</i>	<i>Kamelie</i>	камелия
<i>fuchsia</i>	<i>fuchsia</i>	<i>Fuchsie</i>	фуксия
<i>magnolia</i>	<i>magnolia</i>	<i>Magnolie</i>	магнолия

bégonia "бегония" XVIII в. – название дано ботаником Плюмье в честь любителя и собирателя растений Бегона, который был интендантом Сен-Доминика на Гаити в XVII в. В России после бегства французов из Москвы в 1812 г. растение получило в народе название "ухо Наполеона". По очертанию с нижней красной стороны лист бегонии похож на большое отмороженное ухо

camélia "камелия" XVIII в. – названо шведским ботаником Линнеем по имени миссионера Камелли (*Pierre Jésuite Camelli*), привезшего в Европу из Восточной Азии декоративное растение с крупно-красными цветами и вечно-зелеными листьями

fuchsia "фуксия" XVII в. – названо ботаником Плюмье в память о немецком ботанике Фуксе, жившем в XVI в.

magnolia "магнолия" XVIII в. – названо ботаником Плюмье по имени ботаника Магнолия (Magnol).

Появление большого количества интернациональных эпонимических обозначений (имен собственных) связано с бурным развитием ботаники в XVII–XVIII вв. и потребностью названия многочисленных вновь открытых или иначе классифицированных видов растений. Как правило, эти слова в рассматриваемых языках принимали латинизированную форму.

8. Географические названия – эти названия, как правило, интернациональны:

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
<i>pêche</i>	peach	Pfirsich	персик
<i>oléandre</i>	oleander	Oleander	олеандр
<i>valériane</i>	valerian	Baldrian	валерьяна

pêche "персик" XII в. < лат. *persica* < *persica arbor* "дерево из Персии" – происхождение этого растения относят к Персии

oléandre "олеандр" XV в. < лат. *oleander* < *oleo* "пахучий" + *Andros* – один из греческих островов

valériane "валерьяна" XIV в. < лат. *valeriana* < *valeria* "Валерия" – часть римской провинции Паннонии, где было распространено это растение.

Фитонимы в русском языке отражают в основном исконный фонд языка и являются продуктом вторичной номинации.

Интернациональные слова в рассматриваемых языках созданы, как правило, на латинской основе (*лютик, мимоза, резеда*), часто берущую начало в греческом (*астра, кактус, герань, ирис, азания*).

Источниками интернациональных слов в данной тематической группе могут быть и другие языки: итальянский (*белладонна, лаванда*), провансальский (*люцерна, олива*), немецкий (*эдельвейс*).

* * *

В целом способы номинации носят универсальный характер. Каждый из рассмотренных языков использует указанные способы номинации. Следовательно, можно говорить об общечеловеческом мышлении. Удмуртский язык подтверждает универсальный характер явлений.

Растения могут вызывать разные ассоциации у носителей разных народов. Возьмем в качестве примера цветок "ноготок":

удм. *ĉуж сяська*, букв. "желтый цветок" – назван по цвету;

рус. *ноготок* – назван по форме семян, напоминающей форму ноготка животных;

фр. *souci*, букв. "следующий за солнцем" – назван по свойству растения;

англ. *marigold* (gold "золото") – назван по цвету цветка;

нем. *Ringelrose* (Ringel "колечко, завиток" и Rose "роза") или *Ringelblume* (Blume "цветок") – назван по форме цветка;

лат. *calendula* – интернациональный термин от лат. *calendae* "календы" – первый день каждого месяца, т.е. "всегда цветущий" – назван по времени цветения (ср. фр. *calendule*, рус. *календула*).

Иногда способ номинации совпадает, полностью или частично, хотя народы проживают отдаленно друг от друга. Так, в разносистемных языках показательно название цветка "колокольчик":

удм. *гырлысяська* – "колокол" + "цветок";
куакагырлы, букв. "вороний колокол";
рус. *колокольчик* – уменьш. от "колокол";
фр. *campanule* < итал. *campanula*, уменьш. от
campana, букв. "колокол";
англ. *bluebell*, букв. "синий колокол";
нем. *Glöckchen* – уменьш. от *Glocke* "колокол".

Аналогичный случай отражает слово "подсолнух", в котором заложена сема "солнце" – головка подсолнуха постоянно поворачивается к солнцу:

удм. *шундыберган* < *шунды* "солнце" + *берганы*
"кружиться, вращаться";
рус. *подсолнух*, букв. "под солнцем";
фр. *tournesol* < итал. *tornasole* < *tornare*
"вращаться, поворачивать" + *sole* "солнце";
англ. *sunflower* < *sun* "солнце" + *flower* "цветок";
нем. *Sonnenblume* < *Sonne* "солнце" + *Blume*
"цветок".

В составе исконного фонда удмуртских фитонимов имеются слова финно-угорского, финно-пермского, общепермского и собственно удмуртского происхождения. На ранних этапах появились индоиранские заимствования. В период самостоятельного развития удмуртского языка пришли слова тюркского и русского происхождения. Поскольку заселение Вятско-Камского междуречья русскими шло в направлении с северо-запада на юго-восток, то в силу более длительного контакта наибольшее число русских заимствований учеными зарегистрировано на крайнем северо-западе современной территории Удмуртии. В целом удмуртские фитонимы относятся к исконному фонду удмуртского языка.

Принципы номинации растений образуют картину номинативных предпочтений удмуртского этноса. Они отражают представления о мире в сознании носителя языка: названия по внешнему виду (*тӧдӧы сяська* "ромашка", букв. "белый цветок"), по месту произрастания (*вукуар* "мать-и-мачеха", букв. "водяной лист"), по целебным свойствам (*зыр быдтӧсь* "чистотел", букв. "уничтожающий бородавку"). Удмурты широко используют метафорический способ номинации. Зооморфная метафора (*пунысюл* "выюнок", букв. "собачья кишка"; *турикук* "папоротник", букв. "журавлиная нога") является одним из самых распространенных способов номинации, иногда употребляется метафоризация с актуализацией сакрального мотива номинации: *инмар сяська* "гвоздика", букв. "божий цветок", *йыр берыктон сяська (турын)* "белена", букв. "привораживающий цветок (трава)".

Удмуртский язык при создании зооморфных метафор достаточно часто использует названия животных и птиц, которые издревле знакомы удмуртам: *пуны* "собака" (*пуныжилыы* "одуванчик", букв. "собачья цепь"), *куака* "ворона" (*куакамулыы* "морoshка", букв. "воронья ягода"), *ӟазег* "гусь" (*ӟазеглюгы* "череда", букв. "гусиный репейник"). Так, в частности, гусь у удмуртского крестьянина является традиционной домашней птицей.

В удмуртском языке в данной лексической подсистеме широко употребляются сложные слова. Наиболее распространенными в качестве второго компонента являются слова *турын* "трава" (*кузьыттурын* "щавель", букв. "соленая трава") и *сяська* "цветок" (*гудырисяська* "калужница", букв. "цветок грома"). Среди сложных слов, обозначающих

ягоды, плоды, корнеплоды, выделяются *мульы* "ягода, плод" (*ягмульы* "брусника", букв. "ягода, произрастающая в бору") и *кушман* "корнеплод" (*чуж кушман* "морковь", букв. "желтый корнеплод").

В принципах номинации удмуртских фитонимов отражается ментальность носителя традиционной крестьянской культуры.

Анализ русских и интернациональных фитонимов показывает, что в них заложены похожие мотивы номинации (внешний вид, место и время произрастания, связь с животным миром, свойства растений и др.). Таким образом, на ранних этапах развития языков названия фитонимов были, как правило, мотивированными. Они присущи многим языкам, что свидетельствует об универсальном характере человеческого мышления.

Интернациональные фитонимы, проникшие в удмуртский язык через русский, имеют кроме того специфические принципы номинации. Это названия в честь богов, в основном связанные с греко-латинской мифологией (*адонис*, *ирис*) или в честь реально живших людей (*бегония*, *камелия*). Растение может получить имя по географическому названию (*олеандр*, *валерьяна*). В качестве средства номинации в этих примерах используются имена собственные (антропонимы и топонимы). Интернациональные слова созданы, как правило, на латинской основе (*люпин*, *резеда*), часто берущую начало в греческом языке (*ирис*, *азалия*). Источниками интернациональных слов данной тематической группы могли быть другие языки: итальянский (*белладонна*, *лаванда*), провансальский (*люцерна*, *олива*), немецкий (*эдельвейс*).

Таким образом, интернациональные фитонимы, пришедшие в удмуртский язык через русский, появились с растениями, которые не были ранее знакомы удмуртам. Названия вместе с растениями либо были завезены русскими (*бегония, герань, люцерна*), либо продолжают оставаться до сих пор экзотическими (*лаванда, олеандр, эдельвейс*). Растения, знакомые удмуртам с древних времен, обозначаются словами исконного фонда. Данная лексическая подсистема удмуртского языка подвержена интернационализации в незначительной степени.

Раздел 2. НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ УДМУРТОВ

Антропонимы – одна из лексических подсистем языка, которая наиболее всего отражает культурно-историческую и культурно-психологическую самобытность любого народа.

В становлении культурологии как области научного знания принято выделять следующие периоды: *этнографический* (1800–1860), *эволюционный* (1860–1895), *исторический* (1895–1925). В эти периоды происходило накопление знаний, формирование представления о предмете, выделение исходных оснований и ключевых категорий. Исследования этого времени носили в основном академический характер. Но начиная со второй половины XX в. ситуация меняется. Становится очевидной прагматическая ценность знаний об истоках общего и особенного, устойчивого и меняющегося в культуре. Эти знания начинают востребоваться и применяться в самых различных сферах (Культурология 1998: 11).

Базисные элементы культуры существуют в двух видах – материальном и духовном. Но их подразделение часто называют условным, поскольку в реальной жизни они тесно взаимосвязаны и взаимопроникаемы.

В *материальную культуру* входят: культура труда и материального производства, культура быта, культура *толоса*, т.е. места жительства (жилища, дома, деревни, рода), культура отношения к собственному телу, физическая культура.

Духовная культура включает в себя познавательную (интеллектуальную), нравственную, художественную, правовую, педагогическую, религиозную и другие культуры. Совокупность следующих нематериальных элементов образует духовную сторону: правила, образцы и нормы поведения, законы, духовные ценности, церемонии, ритуалы, символы, мифы, знания, идеи, обычаи, традиции, язык (Культурология 1998: 13–15).

Неотъемлемой частью национальной языковой культуры являются имена людей. Они появились и развивались на протяжении веков и продолжают свою эволюцию в соответствии с законами языка, отражая при этом некоторые стороны бытового уклада, общественного строя, мировоззрения данного народа и его этноязыковые связи с другими народами. Антропонимы представляют собой ценный источник изучения истории языка и его носителя (Атаманов 1988: 102).

Рассмотрение этимологии удмуртских слов, обозначающих личные имена, в контексте разносистемных языков позволяет обратиться к данному явлению как к культурной универсалии, присущей любой культуре независимо от географического места, исторического времени и социального устройства общества.

В последние десятилетия наблюдается повышенный интерес к ономастическим (греч. *онома* "имя") исследованиям во всем мире. Проблемы ономастики стали неотъемлемой частью большинства общелингвистических, этнографических и исторических конгрессов, съездов, конференций и симпозиумов. Издаются словари-справочники, а также учебные и популярные книги по ономастике.

Изучение антропонимов в разных языках направлено в значительной мере на определение функций, которые носят универсальный характер. Так, установлено, что антропонимы выполняют, в частности, следующие функции: различительную (различение индивидов друг от друга), социальную (место индивида в социальной структуре общества), ритуальную (функция соответствия традициям, обычаям, моде, личным вкусам), харизматическую (функция, связанная со сверхъестественной силой имени) (Бестужев-Лада 1970: 24–25; Суперанская 1970: 7–17).

Вопрос об употреблении антропонимов приобретает все большее значение с развитием международных связей. Возникает необходимость, связанная с изучением форм именования, принятыми у того или иного народа. Различные системы личных имен складывались исторически, они обусловлены различиями социального развития и различиями в строе языков.

2.1. Личные имена в удмуртском языке

Первые записи личных имен удмуртов появились в середине XVI в. Начиная с первых десятилетий XVII в. ученые располагают обширным антропологическим материалом по северным удмуртам и с XVIII в. – по другим группам (Атаманов 1988: 102). Первые упоминания об именах удмуртов связаны в основном с описанием обрядов, совершаемых при рождении ребенка (Георги 1799: 58; Верещагин 1886: 28; Первухин 1888: 11–14, 37–38; Луппов 1911: 50; Васильев 1917: 27–28). Затем появляются публикации, в которых даются списки

удмуртских антропонимов (Смирнов 1890; Munkásci 1952; Документы... 1958; Герд 1926; Борисов 1932 и др.).

В 60–70-е гг. XX столетия начинается новый этап в изучении удмуртской антропонимии (Архипов 1963, 1965, 1977, 1981; Соколов 1969; Бушмакин 1970а, 1970б; Пименов 1971; Кельмаков 1974 и др.). Исследователями рассматриваются патронимы, фамилии, дохристианские имена и их отражение в топонимии; способы номинации; влияние имен тюркского происхождения на удмуртский именник.

Значительный вклад в изучение удмуртской антропонимии внесла Т.И. Тепляшина. В её многочисленных публикациях анализируются личные имена удмуртов отдельных районов Удмуртии, Башкирии, Татарии. Особенно много исследователем сделано в изучении личных имен, фамилий и патронимов бесермян, кроме того ею описаны удмуртские имена дохристианского периода, современные имена удмуртов, взаимодействие татарской и удмуртской антропонимических систем.

В 80–90-е гг. исследованиями в области удмуртской ономастики активно занимается М.Г. Атаманов. Работы ученого посвящены этнонимии, топонимии и антропонимии, как на современном, так и на историческом уровнях. Опубликованные им монография "Удмуртская ономастика" (1988) и "Словарь личных имен удмуртов" (= Удмурт нимбугор) (1990) стали знаменательным событием для лингвистов. На протяжении многих лет автор проводил изыскания в архивохранилищах Москвы, Казани, Уфы, Перми, Кирова, Ижевска. Многочисленные экспедиции охватили практически все группы удмуртов, включая и далеко

живущих от своей этнической родины. Книги получили высокую оценку в научных кругах (Владыкин 1992). Часть указанной монографии посвящена антропонимии (личным именам). Предложенный ниже анализ слов в ракурсе нашего учебного пособия базируется в значительной мере на языковом материале, собранном исследователями удмуртского языка.

В ходе исторического развития древнеудмуртские родовые группы вступали в различные более или менее интенсивные и продолжительные контакты с разноразличными этносами. В древности ими были иранцы, угры, позднее – тюрки и славяне.

Сложная этническая история народа нашла свое отражение в языке, материальной и духовной культуре, в том числе и в антропонимии. В удмуртской антропонимической системе выделяются собственно удмуртский (общепермский) и заимствованный пласты.

I. Общепермский пласт

В основе исконных удмуртских имен лежат:

- 1. Названия птиц, животных, насекомых, рыб и растений:** *Жучы* "лиса", *Пислег* "синица", *Пужей* "олень", *Муш* "пчела", *Чана* "галка", *Чиней* "щука", *Узы* "земляника", *Юбер* "скворец".
- 2. Часть имен удмуртов связана с терминами родства:** *Ныл* "девочка, девушка", *Анай* "тетя", *Нуны* "ребенок".
- 3. Определенная группа имен отмечала физические, психические, моральные качества ребенка:** *Бур* "добрый, хороший", *Пичи* "маленький", *Судай* < *суд* "светлый, русый".
- 4. В дохристианском именной удмуртов встречались отэтнотимические антропонимы:**

Чувашко; *Пор*, *Порег*, *Порин* < *пор* – удмуртское название марийцев; *Дюч* < *жюч* "русский"; *Чудаш*, *Чудин* < *чудь* – название одного из родоплеменных групп финно-угорского происхождения.

5. Среди удмуртов известны имена, связанные с сезонами года и с циклом земледельческих работ, сопутствующих рождению ребенка: *Пучы* "верба", *Герей* < *геры* "плуг", *Культо* "сноп жита".
6. Как и в именниках многих народов мира, у удмуртов зафиксированы так называемые **отпугивающие имена**: *Шакта* "плохой, дурной", *Жага*, *Жагей* < *жаг* "мусор, хлам", *Кый* "змея". Родители верили, что новорожденный с таким именем сможет избежать воздействия дурного глаза и злых духов, вызывающих болезни (Тепляшина 1970а: 162–166; Атаманов 1988: 109–112).

Личные имена удмуртского происхождения сохранились лишь у южных удмуртов в качестве вторых имен. В деревне Бальзяшур зафиксированы, например, такие имена: *Пужей* "олень" (офиц. Павел), *Кӧчо* "сорока" (офиц. Леонид), *Дыдык* "голубь" (офиц. Мария) и др. (Иванов 1987: 88).

II. Заимствованный пласт

1. Иранский пласт

Начало контактов финно-угров с индоиранцами относится к III в. до н.э., эти контакты продолжались почти до середины I тыс. н.э. (В.И. Лыткин).

Личные имена удмуртов, восходящие к древнеиранскому источнику:

Алан < осет. *allon* < * *allan* – древнеэтническое название предков осетин

Базак < осет. *bazug* "рука, плечо"; *Vazuk* – имя предводителя алан I–II вв. н.э.

Дада < осет. *dada* "отец, дедушка"

Дангыр < осет. *dyngur* "большой"

Лангыр < перс. *ланг* "хромой"

Сенг < тадж. *санг* "камень" (Атаманов 1988: 113–115).

2. Угорский пласт

После распада финно-угорской языковой общности предки пермских народов в течение многих веков жили в соседстве с народами угорской группы, вступая друг с другом в различные связи. Угорский пласт в удмуртском именнике незначителен:

Закнай < манс. *сякнай* "бородавка, прыщ"

Мансэй < * *мансэ* – этноним "манси"

Порег, Порез < *пор* – название одной из фратрий обских угров

Салкай < манс. *сали* "олень" + *кай* – уменьшительно-ласкательный суффикс в удмуртских именах, заимствованный из тюркских языков (Атаманов 1988: 115–116).

3. Тюркский (тюрко-арабско-персидский, монгольский) пласт

Начало контактов древних удмуртов с тюркоязычными племенами относят к середине I в. н. э.

Тюркские имена занимали исключительно большое место в дохристианском именнике удмуртов. Тюркский пласт составлял около 45–50% имен северных и 75–90% южных удмуртов в XVI–XVIII вв. Удмуртский именник не является исключением. Тюркские имена проникли во многие языки народов

Восточной Европы, Кавказа и Сибири (Атаманов 1988: 116; Тепляшина 1970а: 164; Юлдашев 1965: 160–173).

Анализ языкового материала, предложенного М.Г. Атамановым, свидетельствует о том, что в основе номинации тюркских имен зачастую лежат те же признаки, что и в собственно-удмуртских именах: физические и моральные качества, термины родства, названия животных и растений, связь с природой, особые характеристики человека. Например:

Карай < *кара* "черный, темный"

Акбай < *ак* "белый, чистый" + *бай* "богатый"

Атабай < *ата* "отец" + *бай* "богатый"

Котлыбай < *котлы* "счастливым, приносящий счастье" + *бай* "богатый"

Айсулы < *ай* "луна, месяц".

Через мусульманские народы к удмуртам проникли имена **арабского, персидского и монгольского** происхождения:

Асылбей < араб. *асыл* "красивый, прекрасный"

Султан < араб. *султан* "правитель, государь"

Бибинур < перс. *биби* "дама, госпожа, хозяйка" + араб. *нур* "луч, свет, блеск"

Гульзада < перс. *гуль* "цветок" + *заде* "сын, дитя", "принц, царевич"

Нагай < монг. *нохой*, калм. *ноха* "собака";

Баян < монг. *баян*, калм. *байн* "богатый, сильный, счастливый"

Яман < монг. *ямаан*, калм. *яман* "коза" и др. (Атаманов 1988: 116–120).

4. Русский пласт

По сравнению с другими финно-угорскими народами, удмурты, как известно, со славянским миром познакомились довольно поздно. Следовательно, русские имена – наиболее поздние заимствования.

У русских мало имен русского происхождения, вместе с христианством из Византии к ним пришли имена древнегреческого, латинского, древнееврейского происхождения. Еще до официального принятия христианства удмурты заимствовали многие имена у русских. По происхождению их можно разделить на две большие группы: древнерусские (некалендарные) и христианские (календарные).

Из некалендарных древнерусских имен среди удмуртов были зафиксированы: *Первушка, Третьяк, Шестак, Девятко, Баженко, Жданко, Нечайко, Томилко, Любимко, Поздейко, Дружинко, Поспелко, Малышко, Путилко, Милованко, Детко, Князь, Граф, Салдат, Сержант, Налим, Цивилко, Ворона, Мороз* и др. Некалендарные русские имена среди удмуртских женщин встречались крайне редко: *Девочка, Девушка, Детка, Девка, Баженка, Ягодка.*

С принятием христианства в XVIII–XIX вв. русские православные имена у удмуртов начали выступать в качестве официальных имен. Появилась многовариантность практически у всех освоенных имен, за счет чего удмуртский именник значительно обогатился и расширился (Атаманов 1988: 120–121).

Русские личные имена, заимствованные удмуртским языком, восходят к различным языковым источникам:

Древнегреческие имена

Бачи, Бачей < *Василий* < *basileus* "царь"

Вара, Вари, Варук < *Варвара* < *barbaros*
"иноземный, грубый, варварский"

Гири, Гирой, Горей < *Григорий* < *egregorein*
"бодрствовать"

Денис < *Dionysos* (в греческой мифологии бог виноградарства и вина)

Кира < *Кирилл* < *kyrios* "священный, святой"
Колик, Микулай < *Николай* < *nike* "победа" + *laos*
"народ"
Криста < *Христина* < *kristos* "последователь
Христа" и др.
Малань < *Мелания* < *melas* "черный"
Митрей, Миток < *Дмитрий* < *Demeter* (имя
божества)
Наси, Насъти < *Анастасия* < *anastasos*
"вернувшийся к жизни"
Оги, Огай < *Агафья* < *agathos* "хороший,
добрый"
Олексан, Сандыр, Санка, Санко, Саня, Сашик <
Александр < *alexein* "сопротивляться" +
andros "защитник людей"
Ондрей, Онди, Ондруш, Ондра, Ондок, Онда <
Андрей < *andreas* "храбрый, мужественный"
Очи, Очей, Эгей < *Алексей* < *alexein*
"сопротивляться"
Педор, Педыкай < *Феодора* < *theodoros* "божий
дар"
Пепе, Педо < *Феодора*
Сана, Санди, Сандок, Сани, Санок < *Александра*
Л а т и н с к и е и м е н а
Биктур < *Виктор* < *victor* "победитель"
Косьти, Костьтик < *Константин* < *constans*
"твердый, устойчивый"
Лука < *lux* "свет"
Нати, Наток < *Наталия* < *natalis* "родной"
Онтон < *Антон* < *antoniuss* "бесценный"
Петка < *Петр* < *petra* "скала, камень"
Такан, Такай, Таки, Тати, Таток, Такьян,
Такьянай < *Татьяна* < *Tatius* (имя короля
сабинов) и т.д.

Древнееврейские имена

Анка, Аннї, Аннїк, Аннїка, Аннїкай < *Анна* < *hanna* < *hen* "миловидная"

Иви, Ивок, Ивук < *Иван* < *yohanan* "Яхве бог помиловал (милость божья)"

Мари < *Мария* < *maryam* "ясновидящая" и др.

Славянские имена

Верик, Верук < *Вера* "вера"

Лади < *Владимир* "владеть" + "мир"

Надик < *Надежда* "надежда" и др.

Первой ступенью ассимиляции заимствования является фонетическая и фонологическая адаптация, так как в процессе заимствования иноязычных слов носители языка-преемника стараются подражать произношению чужих звуков, найти их в родной системе или приспособить их к этой системе. Когда заимствование пройдет фонетическую адаптацию, начинается второй этап его ассимиляции – постепенное вхождение в морфологическую систему (Калиневич 1978: 7, 43). В данном случае речь идет об адаптации удмуртами русской фонетической и грамматической системы. Как известно, русский и удмуртский языки являются языками, принадлежащими к разным языковым группам: славянской и финно-угорской. Фонетические и грамматические системы этих языков очень различны (Поздеева 1986: 45-54; Прокуровская, 1990: 111–114).

Исследователи отмечают, что в удмуртском языке имена, пришедшие из русского языка, подчинялись фонетико-грамматической и акцентологической структуре удмуртского языка.

Так, от имени *Алексей* в удмуртском языке образовались следующие варианты: *Олексей, Олѣш, Очей, Очи, Оле, Элесь, Эчей, Лексей, Лепсей* и др., от

имени *Александра* – *Сандра*, *Сандок*, *Сандрок*, *Санди*, *Сани*, *Сана*, *Санок*, *Саника* и др., что говорит о больших потенциальных возможностях удмуртского языка (Владыкин 1992).

Придерживаясь теоретического положения о функционировании заимствованных личных имен в любом языке, мы обнаружили, что личные имена подчинились фонетико-грамматической и акцентологической структуре удмуртского языка. Это позволило нам выявить закономерности преобразований русских имен иностранного происхождения в удмуртском языке:

- тенденция к уменьшению слогов в многосложных антропонимах: *Алексей* > *Эгей*, *Александра* > *Сана*, *Варвара* > *Вара*;
- для удмуртского языка не характерно стечение согласных, поэтому происходит: а) выпадение одного из консонантов: *Дмитрий* > *Митрей*; б) вставка гласного звука: *Григорий* > *Гирой*;
- активное использование уменьшительно-ласкательных суффиксов: *Варук*, *Наси*, *Наток*, *Огай*, *Педыкай*, *Петка*, *Санди*, *Сашик* – один из эффективных способов "удмуртизации" заимствованных имен;
- замена звуков: а- > о-: *Антон* > *Онтон*; -е- > -а-: *Мелания* > *Малань*; -и- > -е-: *Дмитрий* > *Митрей*; н- > м-: *Николай* > *Микулай* ф- > п-: *Федор* > *Педор*; х- > к-: *Христина* > *Криста*; в- > б-: *Виктор* > *Биктур*;
- усечение русских флексий: *Маргарит*, *Клавди*, *Евгень*, *Анатоль*;
- использование форманта -лей: *Васьлей*, *Мишлей* и др.

– перенос ударения в адаптированных именах на последний слог и др.

Лишь в новых именах, проникших в удмуртский именник в последние два–три десятилетия, ударение сохраняется как и в русском оригинале: *Инга, Инна, Эмма, Аэлита, Оксана, Снежана, Эмилия, Игорьь, Герман, Радик* и др.

На раннем этапе заимствования из канонических имен только *Самсон, Ясон, Кузьма, Денис, Лука, Макар, Назар* пишутся и произносятся как и в русском оригинале (Атаманов 1988: 121–123; Иванов 1987: 88).

Таким образом, практически все имена подверглись изменению на начальном этапе заимствования и отражают историческое развитие удмуртского языка. Фонетические изменения в заимствованиях прослеживаются на настоящем этапе только в речевых формах удмуртских имен (Иванов 1987: 88). Что касается официального общения, то расхождений в оформлении общих для русских и удмуртов имен нет (ср. в мордовском – В.Д. Бондалетов).

Исследователи, изучавшие современный удмуртский именник, констатируют факт, что все антропонимы, употребляющиеся сегодня, заимствованы из русского языка или через его посредство. Об этом свидетельствует языковой материал из похозяйственных книг нескольких населенных пунктов Балезинского и Можгинского районов Удмуртии. Всего обследовано 1536 имяносителей с 1900 по 1984 гг. рождения. Представляют интерес имена, которыми сегодня уже не нарекают детей ни у удмуртов, ни у русских.

У северных удмуртов и бесермян встретились: *Глия, Калиста, Калерия, Сира,*

Филитцата, Фенида, Эликонида, Гай, Гане, Сократ, Филарет, Варсанофий, Мефодий.

У южных удмуртов: *Вена, Васса, Ефросинья, Марфа, Соломонида, Фекла, Илларион, Селиверст, Северьян, Евстафий, Ерофей, Фома* (Иванов 1987: 87–88). В основном это имена пожилых людей, выходящие из употребления.

Удмуртская антропонимия является отражением процессов, происходящих в системе имен финно-угорских народов России. Так, современный именной мордвы, – подчеркивает Н.Ф. Мокшин, – не отличается от русского. Он состоит главным образом из так называемых христианских календарных имен, воспринятых от русских в процессе христианизации мордвы, проходившей в основном со второй половины XVI до середины XVIII в.

Обратимся к сравнительно-сопоставительному анализу мордовского, чувашского и русского именника. В одном из исследований (Бондалетов 1990: 87–92) изучен материал сельской местности в 70–80-е гг. Всего зафиксировано около 400 разных имен. Выделены две основные группы **мордовских** (эрзя и мокша) имен русского происхождения:

1) **нейтральные** – встречаются у всех возрастных групп: *Александр, Василий, Виктор, Иван, Михаил, Николай, Сергей, Анна, Валентина, Елена, Мария, Татьяна* и т.д.

2) **окрашенные**

а) имена "*старые*" – их носят преимущественно пожилые люди: *Аким, Афанасий, Герасим, Евдоким, Емельян, Ермолай, Ефим, Захар* и др.

б) имена "*новые*" – их носят люди молодого и среднего возраста; среди них – имена-неологизмы типа *Лина, Сталина*, новые заимствования: *Рудольф*,

Эдуард, Альбина, Жанна, Эльвира, а также "воскрешенные" имена: *Олег, Игорь, Вадим* и др.

Сравнительный анализ показал, что сходство между именниками мордовского, русского и чувашского населения создается наличием общих имен и обычно сходной их популярностью, а различие – несовпадением конкретных репертуаров имен и в степени употребительности "общих" имен. Именники мордвы имеют сходство с русскими именниками до 80% (Бондалетов 1990: 90–92).

Мы рассмотрели современные личные **удмуртские имена**, относящиеся к одной социальной группе и одному возрасту, а именно, личные имена студентов-удмуртов I–V курсов факультета удмуртской филологии Удмуртского госуниверситета (1998–1999 уч. год). Имянаречение было произведено в конце 70-х – начале 80-х гг. XX столетия. В качестве иллюстрации рассмотрим женские имена (362 имени).

Обращает на себя внимание тот факт, что некоторые личные имена повторяются многократно. Так, на 10 женских имен приходится 70% (252 имени) всех имен. Рассмотрим их с указанием этимона (имена даны по мере убывания):

1. Елена (50)	6. Светлана (19)
2. Ольга (46)	7. Ирина (16)
3. Татьяна (36)	8. Марина (14)
4. Наталья (24)	9. Людмила (13)
5. Надежда (23)	10. Лариса (11)

Неоднократно употребляются следующие имена: *Анна* (9), *Галина* (9), *Валентина* (6), *Оксана* (6), *Мария* (5), *Екатерина* (5), *Вероника* (5), *Любовь* (5), *Евгения* (4).

Имена, представленные далее, встретились 2–3 раза: *Алена, Алина, Альбина, Анастасия*,

Елизавета, Зоя, Ксения, Лилия, Нина, Олеся, Роза, Юлия.

Следующие носительницы имен среди удмуртских студенток в указанный период времени не имели на факультете "тезок": *Алевтина, Алла, Анфиса, Белла, Василина, Венера, Вера, Гульнара, Диана, Жанна, Инга, Инна, Лиана, Лина, Майя, Маргарита, Марианна, Марита, Полина, Снежана, Эвелина, Эльвира.*

Таким образом, анализ изученных женских имен, которые были даны удмуртским девочкам в конце 70-х – начале 80-х годов нашего столетия показал следующее:

- все имена были заимствованы в свое время через русский язык;
- удмуртские имена имеют полное совпадение с русскими формами;
- большинство имен относится к разряду интернациональных личных имен (в основном греческого, латинского, древнееврейского, славянского происхождения);
- в плане употребительности встречаются имена массового распространения, широкого распространения, средней употребительности и имена редкие.

Обряды и поверья удмуртов, связанные с именами (в сравнении с обрядами других народов)

Способ именованья, образ, положенный в основу имени, достаточно индивидуален у каждого народа. Несмотря на то, что в образности имен отмечается типичность и усматриваются антропологические универсалии, применение типичного и универ-

сального определяется особенностями индивидуального развития народа. Имена (и особенно прозвища) в живой разговорной речи тесно связаны с реалиями, традициями, религией, мирозерцанием и т. п. Чем примитивнее культура народа, тем больше самобытных этнографических черт он хранит и тем живее связь его ономастики со спецификой быта и обрядов (А.В. Суперанская).

Исследователь удмуртской антропониимии М.Г. Атаманов на основании сообщений в дореволюционных научных трудах и собственных экспедиционных материалов описывает обряды наречения имен, которые существовали раньше у удмуртов:

1. Имя давалось бабкой-повитухой, обычно в бане, поэтому их иногда называют банными (удм. *мунчо ним*). По описаниям, бабка брала ребенка на руки и подносила его к порогу банной двери, где положив на полено, обрубала топором пуповину, при этом вслух произносила благопожелания (быть трудолюбивым, сильным, прилежным, богатым) и называла новорожденного языческим именем.
2. Через несколько дней новорожденного крестили (удмурты-христиане), в церкви ему присваивали христианское имя. Иногда случалось так, что человека до самой смерти называли "удмуртским" именем.
3. Имя нарекалось жрецом: он брал новорожденного на руки в тот момент, когда ребенок плакал, и начинал его качать, перебирая при этом разные имена; при каком имени младенец переставал плакать, его и давали новорожденному.

4. Ребенка называли по имени первого вошедшего в избу человека. Нередко прибегали к такой хитрости: приглашали первым наиболее желаемого "хорошего человека", чтобы присвоить его имя новорожденному.
5. Перед наречением имени мать с ребенком с закрытыми глазами выводили на крыльцо. Название того предмета, который первым бросился в глаза при их открывании, присваивали младенцу. Этот прием использовался редко.
6. Имя присваивали родители: при этом брали имя всеми уважаемого, трудолюбивого, доброго, физически крепкого, красивого на внешность человека. Согласно поверию, вместе с именем положительные качества и внешняя привлекательность того человека переходили к новорожденному.
7. самого младшего члена семьи просили назвать какое-нибудь имя, которое и присваивали младенцу.

Из всех выше перечисленных обрядов наречения лишь два последних дожили до наших дней (Атаманов 1988: 124–125).

У удмуртов в старину при общении имена употребляли редко или вообще не употребляли. Считалось бестактным, неэтичным обращаться к человеку не только своего родства, но и к любому знакомому по имени, тем более, если он старше на несколько лет. Имена полностью заменяли терминами родства и свойства.

Своеобразными и оригинальными были обращения между собой супругов: они никогда не называли друг друга по имени. У северных удмуртов

существовал обычай величать мужа не по имени, а по выдуманной женой кличке, так, например, если у мужа официальное имя *Андрей*, она называла его *Гондыр* "медведь".

Женщина, особенно младшая сноха, к родителям мужа обращалась редко, лишь в крайних случаях называла *анайзы* "их мать", *атайзы* "их отец". В северных районах сноха обращалась к свекрови по имени старшего или младшего брата мужа: *Петырлэн мумиз* "мать Петра", к свекру – *Петырлэн аиз* "отец Петра".

В этнографической литературе имеются данные о том, что женщина-удмуртка после замужества теряла свое личное имя, а взамен получала название своего родового божества – *воршуда*. Воршуд – это род, поколение, относящееся исключительно к лицам женского пола. При этом фамилия матери, переходящая через дочку к внучке, сохраняется в потомстве. Муж жену называл по имени родового божества – *воршуда*: *Эгра, Бигра, Дурга, Пурга* и т.д. Если бы спросили у удмурта девичью фамилию или имя жены, он бы не понял вопроса. Его нужно было спросить: твоя жена какого воршуда? (Первухин 1888: 37–38).

В подтверждение вышесказанному приведем данные исследователей, изучавших обычаи бесермян – этнической группы, проживающей на северо-западе Удмуртии в бассейне реки Чепца и говорящей на бесермянском наречии удмуртского языка. У бесермян наиболее важными в послесвадебном цикле были нормы поведения, связанные с обычаем избегания. В период от свадьбы до рождения первого ребенка, а в отдельных случаях до наступления беременности, некоторые действия и поступки невестки строго

регламентировались рядом ограничений и запретов морально-этического характера. Они прежде всего касались способов обращения супругов друг к другу и родственников мужа к невестке. Так, жена никогда не обращалась к мужу по имени и не произносила его в разговоре, а использовала для этого местоимения: *со* (он), *мõнаmez* (мой), *тон* (ты). Родственники мужа и односельчане обращались к молодой женщине по имени ее отца с добавлением слова "дочь". Например: *Ондрей нõл* (дочь Андрея), *Олёксан нõл* (дочь Алексея) или по названию деревни, откуда она родом. Например: невестку из деревни Юнда называли *Юндá*, из деревни Шамардан – *Шамардан*, из Ворцы – *Ворцá* и т.д. В настоящее время эти способы обращения встречаются только среди старшего поколения. Утрата личного имени новобрачной характерна и для других финноязычных народов Поволжья, в том числе мордвы, марийцев, которые также называли невестку по названию ее деревни или по имени отца (Тепляшина 1975: 198; Попова 1998: 145).

В истории удмуртов известны случаи смены имени. Так, например, при тяжелой болезни у удмуртов существовал обычай сжигать волосы больного и менять его имя (Емельянов 1921: 151; Тепляшина 1970: 151).

Рассмотренные обряды и поверия удмуртов не являются каким-то исключением. Все они в той или иной степени зафиксированы в верованиях, обрядах и обычаях народов, живущих в разных концах нашей планеты и находящихся на разных ступенях исторического развития. Более самобытным является обычай наречения замужних женщин воршудно-родовыми именами, взамен их личных имен. Всем же

другим обрядам, обычаям и поверьям можно найти параллели в верованиях других народов мира.

Большинство из описанных обычаев, обрядов и поверий в настоящее время не встречается среди удмуртов, они ушли безвозвратно из народной жизни. О них знает лишь старшее поколение. Мотивы выбора имен также во многом изменились. Основными источниками, откуда берутся имена, ныне стали произведения художественной литературы, радио, телевидение и другие средства массовой информации, а также различного рода контакты между народами (Атаманов 1988: 126–127). Удмуртский именник в последние десятилетия стал пополняться только за счет заимствованных имен из русского, тюркского и западноевропейских языков. Национальные удмуртские имена преданы забвению (Атаманов 1988: 5).

Исследования антропонимов учеными в других языках показывают, что они прошли похожий путь развития. Рассмотрим в качестве сравнения имена нескольких российских языков, родственных удмуртскому. Проанализируем в историческом плане **селькупские** антропонимы (селькупский язык относится к самодийской группе языков, которая как финно-угорская группа, входит в семью уральских языков).

Изучение собственных имен селькупов Томской губернии XVII в. с точки зрения этимологии позволило исследователям выделить следующие группы:

1. Многочисленная группа имен включает **названия рыб**: *Муга* "пескарь", *Нюля* < *нюл* "щука", *Нюнга* < *нюни* "налим".
2. В основу антропонимов положены **названия птиц и животных**, обитавших в этом крае: *Лога*

"лиса", *Корга* "медведь", *Укумко* < у "куропатка" + кум "человек" + ко (суффикс).

3. Имена могут отражать **растительный мир**: *Котыга* < кот "черника", *Кута* "ель", *Пунгута* < пуни "мухомор".
4. Используются наименования **частей тела**: *Кой* "ухо", *Ута* < ути "рука", *Есегелчик* < есегел "сердце".
5. Встречаются имена, имеющие **количественное значение**: *Окуркум* < окур "один" + кум "человек", *Накарко* < нагир "три", *Тетогоа* < тет "четыре".
6. Некоторые имена соотносятся с названиями **окружающих предметов**: *Лобас* < лоба "рукавицы", *Толчи* "лыжи", *Пима* "штаны".
7. Выделяется группа имен, данных ребенку по его **физическим признакам**: *Сарана* "широкий, крепкий", *Варкосай* < варго "большой" + сай "глаз", букв. "большеглазый".
8. Распространены имена с существительными со значениями **"самец"**: *Кормеско*, *Корсанко* (< кор) и "человек": *Сеткул*, *Укумко*, *Сарискуп* (< кум, ~куп, ~кул).

С начала XVIII в. в связи с христианизацией селькупские собственные имена начали заменяться русскими антропонимами. Собственно селькупские имена к настоящему времени сохранились лишь в фамилиях (Малиновская 1987: 142–143).

При анализе традиционных женских имен **мордвы-эрзя** обращает на себя внимание категория имен, которую можно назвать двуосновной, причем в качестве второй основы непременно содержащей слово *ава* "женщина": *Анава*, *Азрава*. Ученые предполагают, что некоторые из имен первоначально

вообще не были именами, а выступали в качестве социальных терминов, обозначавших, в частности, снох. От этих терминов, как семейных титулов, зависели права и обязанности снох в мордовских больших (неразделенных) семьях, составлявших определенную, строго регламентированную иерархическую систему. Существовал мордовский обычай называть снох особыми семейными или "пожизненными" именами.

Как сообщал анонимный автор (XIX в.), с возвращением молодых после церковного венчания в дом жениха дружка во всеуслышание давал молодой новое семейное название, одно из следующих:

Парава < *пара* "хорошо", букв. "хорошая женщина" – так называли жену старшего сына или брата

Мазава < *маза* "красиво", букв. "красивая женщина" – это имя давали жене второго сына или брата

Вежава < *вежа* "малый", букв. "маленькая женщина" – имя жены третьего сына или брата

Ашава < *аша* "белый", букв. "белая женщина" – это имя получала жена четвертого сына или брата

Свое название невеста носила до самой смерти. Так называли ее всегда свекор и свекровь, муж и все малые дети семьи.

У **мордвы-мокши** аналогичные термины употреблялись, а отчасти бытуют и в настоящее время, в усеченной форме:

маза (звательная форма *мазай*) – жена старшего брата

тязя (*тязйя*) – жена второго брата

вяжа (вяжай) – жена третьего брата
нава (навай) – жена четвертого брата
тятя (тятяй) – жена пятого брата
(Н.Ф. Мокшин)

К примеру, исследуя личные имена **нганасанов**, народности, живущей в северных районах Таймырского полуострова (самодийская группа языков), ученые установили определенные исторические и этнографические особенности нганасанской народности.

Организация хозяйственной жизни нганасанов, их быта нашли отражение также и в антропонимии. Обращает на себя внимание большое разнообразие нганасанского именника – в нем не так много повторяющихся имен. Личные имена в большинстве случаев отражают особенности внешности, поведение ребенка, обстоятельства места, времени рождения и др.

Значительная часть нганасанских имен поддается переводу или объяснению из бытующих в языке слов. Например: *Аника* "большой" (ребенок при рождении был крупным), *Нумангу* "молодой", *Нягэ* "хороший", *Нгадя* "младший брат", *Нгамбу* "сон" (родился ночью, когда все спали), *Сыймы* "глаз", *Сырайку* "белый".

Иногда даются так называемые защитные имена, нарицательное значение которых противоположно внешнему виду ребенка, например: *Сырайку* "белый" – для ребенка с темным цветом кожи и волос.

Можно отметить еще одну оригинальную черту, относящуюся к присвоению собственных имен у нганасанов уже в старости – своеобразное наследование имени предка. Существовал обычай, согласно которому самый старший по возрасту член рода получал в качестве личного имени старое название

рода. После его смерти это старое название рода, ставшее личным именем, переходило к лицу, следующему по возрасту и т.д. В качестве такого рода названий, перешедших в личные имена отмечены *Кула* "ворон", *Дуту* "рука" (Терещенко 1971: 40–44).

Таким образом, **удмуртские имена** прошли тот же путь развития, что и имена других уральских народов России. На раннем этапе удмурты использовали исконные нарицательные слова (общепермский пласт), ставшие именами собственными. К ним присоединились заимствованные имена (иранские, угорские, тюркские, русские).

У удмуртов на протяжении длительного времени существовали двойные имена, употребляемые параллельно для обозначения одного и того же лица. Вторые имена стали появляться в связи с принятием христианства с XVII–XVIII вв. Как отмечалось выше, удмурты носили языческие имена, т. е. имена, происшедшие от нарицательных слов: названий животных, птиц, насекомых и т. д. По мере обращения в христианскую веру, согласно канонам русской церкви, удмурты получали вторые имена – христианские. Первые имена, исконно удмуртские, продолжали употребляться в быту, вторые, полученные во время крещения, являлись официальными именами. Таким образом, в течение двух-трех столетий удмурт имел два личных имени: новое, официальное христианское имя и старое, родное привычное древнеудмуртское имя (Тепляшина 1970: 163). Так, например, П.Н. Луппов приводит высказывание по этому поводу одного из миссионеров середины XIX в.: "имя, нареченное бабкой, остается при вотяке на всю жизнь, а нареченное священником употребляется при обращении с русскими, при

написании ревизии и духовных росписей" (Луппов 1911: 503–504). Исследователи отмечают, что "дуальная модель" (тяготение одновременно и к язычеству и к христианству) присутствует в сознании удмуртов до сих пор и это проявляется, в частности, в современной удмуртской литературе (Измайлова 1997: 97).

Что касается личных имен, то после революции удмурты стали давать своим детям преимущественно русские имена. Частичное сохранение древнеудмуртских имен в отдельных удмуртских диалектах ныне считается пережитком прошлого (Тепляшина 1970: 166).

Изучение удмуртской антропонимики требует изучения антропонимики русской.

2.2. Личные имена в русском языке

Древнерусская антропонимия состояла первоначально только из личного имени в узком смысле, большинство имен первоначально "повторяло" нарицательные слова (*Волк, Ждан, Добрыня*).

Первые русские имена следует рассматривать как прозвищные имена, которые заключали в себе внешние черты человека. Лексемы, обозначающие указанные черты, могут быть обнаружены в антропонимах любого языка, ср. русские *Беляна, Чернава*, скифское *Роксана=Светлана* или французские *Claire* "светлая", *Blanche* "белая" (А.В. Суперанская).

Среди древнерусских имен было немало заимствований из финно-угорских, тюркских и других языков. Первые письменные памятники свидетельствуют о социальном расхождении антропонимии:

выделялись имена правящей верхушки, среди которых распространены имена скандинавского происхождения (*Олег, Ольга, Игорь* и др.). Особенно характерны имена, составленные из двух основ: летопись называет их княжескими; в качестве их второго компонента наиболее часты *-слав, -мир* (*Святослав, Мстислав, Владимир* и др.). Женских имен дошло очень мало; женщину чаще называли по имени отца (самая известная героиня древнерусского эпоса *Ярославна*) или по имени мужа.

Христианство, заимствованное русскими из Византии (988 г.), принесло имена, канонизированные православной церковью. Это имена "святых" первых веков христианства, происходящие из языков народов Римской империи. Особенно много среди таких имен древнегреческих (*Андрей, Александр, Василий, Елена, Ирина*), латинских (*Сергей, Константин, Татьяна, Матрена*), а также имен из языков Передней Азии – арамейского, древнееврейского, сирийского и др. (*Иван, Фома, Мария, Анна*). Так как имена пришли на Русь через среднегреческий язык Византии, они несли многие его признаки, например, *Варвара, Лаврентий*, а не *Барбара, Лавренций*.

Популярность одних и непопулярность других имен может определяться и языковыми причинами – созвучностью собственных имен с нарицательными, вызывающей нежелательные ассоциации. Так, в русский язык из Византии наряду с именами *Александр, Андрей, Пелагея* были заимствованы и *Улита, Макрина, Мардарий*, которые не могли стать популярными из-за созвучия с русскими апеллятивами, наделенными не слишком приятными значениями (Суперанская 1970: 8–9).

Значительные изменения внесла адаптация иноязычных имен русским языком: отброшены греческие и латинские форманты (*Николас, Паулюс* трансформировались в *Николай, Павел*), упрощены несвойственные русскому языку звуковые сочетания (*Аким, Устинья* вместо *Иоким, Иустинья*). С другой стороны, масса антропонимов-заимствований расширяла фонетические средства русского языка, способствовала появлению звука [ф] ранее ему несвойственного, из очень частых в греческих именах звуков, передаваемых в греческом буквами "тхэта" (*Федор, Тимофей, Фекла*) и "фи" (*Филипп, Трифон, Софья*). На протяжении столетий повседневные формы многих имен резко отличались от канонических, которые употребляла только церковь, например (в каждой паре первая форма повседневная, вторая каноническая): *Авдотья – Евдокия, Аксинья – Ксения, Арина – Ирина, Акулина – Акилина, Егор – Григорий, Осип – Иосиф, Гаврила – Гавриил* и т.п., даже в литературном языке "победили" неканонические формы: *Иван, Матрена*, вместо *Иоанн, Матрона* (Никонов 1989: 263).

В течение веков церковь не могла истребить русские имена: упорная борьба длилась с X по XII в. Хотя для всех русских стало обязательным крещение, при котором давали имя (только из списка православных "святых"), но в жизни долго употребляли имена нецерковные. Например, очень часто употреблялись имена *Ждан, Неждан, Истома, Томило, Милава*.

Только на рубеже XVII–XVIII вв., при Петре I, правительству удалось запретить нецерковные имена.

Обратимся к русским именам XX в. В одном из дворцов г. Ленинграда при регистрации ново-

рожденных в середине 70-х гг. наблюдалось следующее: на 90% новорожденных девочек приходилось 28 общеупотребительных имен, а на 94% мальчиков – 34 имени.

Среди часто встречающихся имен ученые выделяют два вида: имена массового распространения – не менее 5%, т.е. 50 имен и более на каждую тысячу человек. Так, в конце 80-х гг. при регистрации новорожденных в г. Ленинграде к таким именам относились:

мальчики

девочки

Александр

Анна Наталья

Алексей

Анастасия Ольга

Дмитрий

Екатерина Юлия

Сергей

Мария

Имена широкого распространения – в пределах от 2 до 5%, или от 20 до 50 одинаковых имен на тысячу человек. В указанный период к ним относились следующие имена:

мальчики

девочки

Андрей Игорь

Александра

Антон Максим

Виктория

Артем Михаил

Дарья

Виталий Николай

Елена

Владимир Павел

Ирина

Денис Роман

Ксения

Евгений Станислав

Ольга

Иван

Светлана

Большинство русских имен, как отмечалось выше, вместе с христианством пришло из Византии – государства, образованного при распаде Римской империи. Часть имен, которые мы употребляем сегодня, были известны уже в древнем мире.

Первые христиане в Греции и Риме носили языческие греческие и римские имена. Затем выработался обычай называть детей в честь какого-нибудь человека, прославленного христианской церковью и названного святым. Христиане верили, что после смерти такие угодные богу люди возносились на небо для новой жизни. Древние верили, что эти святые помогали прежде всего своим "тезкам".

Имена людей образовывались также от имени родов. Римляне, жившие до н.э., насчитывали 300 родов. По свидетельству Цицерона, членом рода считался тот, кто носил родовое имя, рожден от свободных родителей, чьи предки никогда не были рабами и никогда не лишались родительских прав. Счет потомства у римлян велся по мужской линии, родовые имена легко образовывались от имен предков и основателей рода. Так, потомки Эмилия звались *Эмилиями*. Если в семье была одна дочь, она обычно звалась именем своего рода: *Тулия* – дочь Цицерона (Марка Тулия), *Юлия* – дочь Юлия Цезаря, *Октавия* – дочь Кая Октавия Августа. Это имя сохранялось и после замужества. Если в семье было две дочери, они назывались *Старшей* и *Младшей*, если их было больше двух, их звали порядковыми именами: *Прима* (*первая*), *Секунда* (*вторая*), *Терция* (*третья*), *Кварта* (*четвертая*) и т.д.

До революции 1917 г. имена в России давались церковью. Правило гласило: "При наречении имен новорожденным стараться давать имена тех святых, кои празднуются в 8-й день после рождения младенца или в промежутке этого времени". Церковь запрещала древнерусские имена, объявив их языческими. Именно поэтому многие современные русские имена восходят

к греческим и латинским, а также к некоторым восточным.

В настоящее время 95% русских людей носят традиционные *календарные* русские имена. Календарными они называются потому, что в прошлом их включали в церковные календари (святцы, месяцесловы).

Сейчас никого не удивишь если в одной семье сыновей назовут: одного – *Юрий*, другого – *Георгий*, третьего – *Егор*. В прошлом веке, например, подобное было бы невозможно, так как все они – разные формы одного и того же древнегреческого имени *Георгий*, которое, попав на русскую почву, получило несколько форм.

Имя в России зачастую имело социальный характер, оно давалось детям определенной социальной среды. Например, в XVIII в. в крестьянских семьях девочек называли *Василисами*, *Феклами*, *Агафьями*, *Федосьями*, *Маврами* и т.д. В дворянских семьях бытовали имена *Ольга*, *Екатерина*, *Елизавета*, *Александра*. Имя *Татьяна* поначалу встречалось преимущественно в дворянской среде. Но к концу XVIII – началу XIX в. оно широко распространилось среди крестьян и купцов, у дворян же встречалось все реже и реже. Имя Татьяна могло в конце концов разделить судьбу имен Фекла и Агафья. Но благодаря огромному успеху романа Пушкина "Евгений Онегин" оно получило новую жизнь.

Таким образом, лишь в святцах перечень имен был общим, а действительность противопоставляла имена дворянок и имена крестьянок. Невозможно представить в прошлом веке ни графиню *Матрену* или *Феклу*, ни крестьянку *Тамару* (Никонов 1974: 18). Чтобы убедиться в этом, ознакомимся с судьбой

такого распространенного имени как *Мария*. Собранный исследователями обширный материал по многим губерниям России за несколько столетий опровергает существовавшее ранее мнение, что будто *Мария* – самое частое имя русских крестьянок на протяжении веков. В конце XVII в. и первой половине XIX в. в деревне это имя было довольно редким, хотя в городах имени *Мария* действительно принадлежало первое место. Среди воспитанниц Смольного, родившихся в 50–70-е гг. XVIII в., имя *Мария* еще уступало именам *Анна* и *Екатерина*, разделяя с именем *Елизавета* третье и четвертое места – по 10% (столетие, в котором занимали престол две Анны, две Екатерины, Елизавета). К концу XVIII в. имя *Мария* вышло на второе место, а в начале XIX в. стало самым частым именем дворянок на много десятилетий.

Тем временем оно начало распространяться и среди крестьянок, нередко получавших имя в честь барынь-помещиц. К середине XIX в. имя *Мария* "запахло мужичкой", и начиная с 60-х гг. употребительность этого имени стремительно падает среди дворянок. У воспитанниц Смольного, родившихся в конце 60-х гг. XIX столетия, имя *Мария* впервые уступило имени *Ольга*.

Итак, состав имен, бытующих в обществе в тот или иной период, характеризует "лицо" общества. Статистические материалы ученых о личных именах, встречающихся в русских семьях, показывают отличие в употреблении имен XX в. от предыдущих эпох. В составе русского именника можно выделить три категории.

1. Имена, употреблявшиеся в предыдущие эпохи и ушедшие из употребления в XX в.:

Абрам	Агап	Андроник
Абросим	Агафон	Анисим
Авдей	Азарий	Арефий
Аверкий	Аксён	и др.
Автоном	Ананий	

2. Имена, не употреблявшиеся или почти не употреблявшиеся до XX в.:

Алла	Валентин	Жанна
Альбина	Валерия	Инна
Артур	Виталий	и др.
Вадим	Геннадий	

3. Имена, выдержавшие испытание времен и сохранившиеся в наши дни:

Анна	Елена	Ирина
Александр	Елизавета	Кирилл
Григорий	Иван	Мария и др.

Ученые давно заметили, что у разных народов можно встретить одинаковые имена. Они только пишутся и звучат по-разному, а основа у них одна. Иногда имена совпадают даже на письме, сравним в английском, немецком и французском имя *Richard*. В зависимости от того, как это слово будет произноситься в русском языке, можно определить, из какого языка оно пришло: *Ричард* (английский), *Рихард* (немецкий), *Ришар* (французский).

Некоторые имена отличаются существенно и в звучании и на письме, и только обращение к этимологии позволяет выявить общую основу. Например, мужское имя *Иван* носителю русского языка представляется исконно русским, в то время как это имя зародилось в древнееврейском языке. Это *интернациональное* имя встречается во многих языках, заключая в себе характер *национальной* самобытности (Личные... 1970: 64): *Иван* – русский,

Джон – английский, *Жан* – французский, *Иоганн* – немецкий, *Ян* – польский, чешский, *Джованни* – итальянский, *Иванэ* – грузинский, *Юхан* – финский, эстонский. Фонетические варианты имени связаны с определенной антропонимической национальной средой.

Большинство имен имеют давнее происхождение. Они пришли из древних языков: древнееврейского – *Анна*, *Елизавета*, *Ева*, *Мария*, *Иван*, *Михаил*, *Яков*; греческого – *Александр*, *Алексей*, *Анатолий*, *Василий*, *Анастасия*, *Екатерина*; латинского – *Клара*, *Антонина*, *Петр*, *Константин*, *Эмиль*; германского – *Эрна*, *Эльвира*, *Карл*, *Фердинанд*, *Эдуард*, *Рудольф*; кельтского – *Алэн*, *Артур*, *Бриджит*.

Итак, подвергшись фонетическим изменениям в истории языка той или иной страны, имена приобретают национальный отпечаток. Например, такие имена как *Франсуа*, *Жак*, *Антуанетта*, *Шарль*, мы воспринимаем как французские. Имена *Альфред*, *Карл*, *Генрих*, *Рихард* мы рассматриваем как немецкие. Имена *Джек*, *Дэвид*, *Маргарет*, *Ричард*, *Стив* являются для нас английскими. Но их объединяет то, что все они являются интернациональными, т.е. встречаются во многих языках.

2.3. Этимология интернациональных личных имен

Изучение этимологии интернациональных личных имен показывает, что древние народы при образовании имен использовали похожие мотивы.

1. Внешний вид, физические качества

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Anne	Anne, Ann	Anna	Анна
Cécile	Cecil	Cecile	Сесиль
Claudine	Claudia	Klaudia	Клавдия
Mélanie	Melany	Melanie	Меланья
Paul	Paul	Paul	Павел
Pierre	Peter	Peter	Петр
Valentin	Valentine	Valentin	Валентин

Anne – др.-евр. *hanna* от *hen* "полная грации, миловидная"

Cécile – лат. *caecus* "камень, скала"

Claudine – лат. прил. *claudus* "хромым" было одним из эпитетов хромого бога Вулкана

Mélanie – греч. *melaina* "черная, темная"

Paul – лат. *paulus* "маленький, слабый"

Pierre – лат. *petra* "камень, скала"

Valentin – лат. *valens* "полный сил, здоровый"; род. пад. *valentis*

2. Ассоциации с животным миром

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Adolphe	Adolph	Adolf	Адольф
Arnaud	Arnold	Arnold	Арнольд
Arthur	Arthur	Arthur	Артур
Bernard	Bernard	Bernhard	Бернар
Bertrand	Bertram	Bertram	Бертран
Léon	Leon	Leon	Лев
Léonard	Leonard	Leonhard	Леонард
Rodolphe	Rudolph	Rudolf	Рудольф

Adolphe – герм. *adel* "благородный" + *wolf* "волк"

Arnaud – герм. *arin* "орел" + *naldan* "правитель"

Arthur – кельт. *arz* "медведь"

Bernard – герм. *ber* "медведь" + *hard* "сильный"
Bertrand – герм. *berht* "сверкающий" + *hraban*
"ворона"

Léon – лат. *leo* "лев"

Léonard – лат. *leo* "лев" + герм. *hard* "сильный"

Rodolphe – герм. *hrod* "слава" + *wolf* "волк"

Имена, связанные с названиями животного мира, являются, как правило, мужскими.

3. Ассоциации с растительным миром

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Rose	Rose	Rose	Роза
Stéphane, Etienne	Stephen	Stefan	Степан
Suzanne	Susan	Susanna	Сюзанна, Сусанна
Sylvain	Silvester	Silvanus	Сильвестр, Сильван
Violette	Violet	Viola	Виолетта

Rose – лат. *rosa* "роза"

Stéphane – греч. *stephanus* "веночек, венец"

Suzanne – др.-евр. *shūahannāh* "лилия"

Sylvain – лат. *silva* "лес"

Violette – лат. *viola* "фиалка"

Имена, связанные с названиями цветов, являются в основном изначально женскими.

4. Ассоциации с явлениями природы

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Esther	Esther	Esther	Эстер
Hélène	Helen	Helena	Елена
Marguerite	Margaret	Margarete	Маргарита
Marine	Marina	Marina	Марина
Roxane	Roxana	Roxana	Роксана
Samson	Samson	Samson	Самсон

Esther – др.-евр. *ester* "звезда"

Hélène – греч. *helenos* "блеск солнца"

Marguerite – греч. *margaritês* "жемчужина", в дальнейшем слово стало обозначать цветок *marguerite* "ромашка" и, возможно, имя появилось уже от названия цветка

Marine – лат. *marinus* "морской"

Roxane – перс. *roaksana* "сверкающая заря"

Samson – др.-евр. *shimshôn* < уменьш. от *shémesh* "солнце"

Среди антропонимов любого языка найдется немало слов, включающих лексемы, обозначающие особенности ландшафта, атмосферные явления и т. п. Ср. русские прозвищные имена *Гром*, *Мороз*, *Озеро*, давшие фамилии *Громов*, *Морозов*, *Озеров*, и отмеченные у индейцев Америки имена сахемов: *Прекрасное озеро*, *Просека в лесу*, имя североамериканского вождя *Мороз*, родовое имя племени омаха *Гром* (А.В. Суперанская).

5. Моральные качества

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Agathe	Agatha	Agatha	Агафья
André	Andrew	Andreas	Андрей
Clément	Clement	Klement	Климентий
Constant	Constant	Konstanz	Константин
Ernest	Ernest	Ernst	Эрнест
Sophie	Sophia	Sophie	Софья

Agathe – греч. *agathos* "хороший, добрый"

André – греч. *andreios* "мужественный, храбрый"

Clément – лат. *clemens* "кроткий, мягкий"; род. пад. *clementis*

Constant – лат. *constans* "постоянный"; род. пад. *constantis*

Ernest – герм. *ernst* "серьезный, убежденный"

Sophie – греч. *sophia* "мудрость"

6. Воинствующие качества

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Alexandre	Alexander	Alexander	Александр
Alexis	Alexis	Alexis	Алексей
Boris	Boris	Boris	Борис
Édouard	Edward	Eduard	Эдуард
Nicolas	Nicholas	Nikolaus	Николай
Stanislav	Stanisl(u)s	Stanislaus	Станислав
Véronique	Veronica	Veronika	Вероника
Victor	Victor	Viktor	Виктор

Alexandre – греч. *alexo* "защищать" + *aner* (род. пад. *andros*) "муж, мужчина", т.е. защитник людей

Alexis – греч. *alexo* "защищать"

Boris – слав. "борец"

Édouard – герм. *ead* "владение, собственность" + *weard* "страж, защита", т.е. защитник владений

Nicolas – греч. *nike* "победа" + *laos* "народ", т.е. победитель народов

Stanislav – слав. "стан" (подниматься) + "слав" (слава)

Véronique – греч. *pherein* "приносить" + *nikê*, "победа", т.е. приносящая победу

Victor – лат. *victor* "победитель"

7. Особые характеристики (как правило, отношение к человеку)

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Barbara	Barbara	Barbara	Варвара
Béatrice	Beatrice	Beatrice	Беатриса
Carine	Carina	Karin	Карина
David	David	David	Давид
Félix	Felix	Felix	Феликс
Olga	Olga	Olga	Ольга

Barbara – греч. *barbaros* "чужой, иноземец"
Béatrice – лат. *beatrix* "та, кто приносит счастье"
Carine – лат. *cara* "дорогая, любимая"
David – др.-евр. *Dawid* "любимый"
Félix – лат. *felix* "счастливый, удачливый"
Olga – сканд. "счастливая"

8. Виды деятельности

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Fabrice	Fabrice	Fabrice	Фабриций
Georges	George	Georg(ius)	Георгий, Егор, Юрий
Hippolyte	Hippolyta	Hippolyt(us)	Ипполит
<i>Fabrice</i> – лат. <i>faber</i> "ремесленник, рабочий"			
<i>Georges</i> – греч. <i>gê</i> "земля" + <i>ergon</i> "работа", т.е. земледелец			
<i>Hippolyte</i> – греч. <i>hippos</i> "конь" + <i>lyo</i> "развязывать", т. е. укротитель лошадей			

9. Название местности

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Adrien	Adrian	Adrian	Адриан
Alban	Alban	Alban	Альбина (ж.р.)
Lydie	Lydia	Lydia	Лидия
Madeleine	Magdalene	Magdalena	Магдалина
Maurice	Maurice	Mauritius	Маврикий
Olympe	Olympia	Olimpie	Олимпия
Romain	Roman	Roman	Роман
<i>Adrien</i> – лат. <i>adrianus</i> "житель Адрии"			
<i>Alban</i> – лат. <i>albanus</i> "житель Альба Лонга", древнего города, расположенного недалеко от Рима			
<i>Lydie</i> – греч. <i>Lydia</i> "Лидия" область в Малой Азии, т.е. лидиянка			

Madeleine – др.-евр. *Migdal* "Мигдаль" – название местности; в святцах было приложением к имени Мария из Магдалины (Мария Магдалина), затем у католиков стало употребляться в качестве личного имени

Maurice – греч. *taurus* "мавр" – житель Мавритании, области в северо-западной Африке

Olympe – греч. *Olimpos*. "Олимп" – название горы в Греции

Romain – лат. *romanus* "римлянин" – житель Рима

Имена, произведенные от названий мест, иногда давались рабам, вывезенным из того или другого города или страны.

10. Социальное положение (как правило, благородное)

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
<i>Adèle</i>	<i>Adele</i>	<i>Adel</i>	Адель
<i>Albert</i>	<i>Albert</i>	<i>Albert</i>	Альберт
<i>Alice</i>	<i>Alice</i>	<i>Alice</i>	Алиса
<i>Basile</i>	<i>Basil</i>	<i>Basilius</i>	Василий
<i>Éric</i>	<i>Eric</i>	<i>Erich</i>	Эрик
<i>Eugène</i>	<i>Eugene</i>	<i>Eugen</i>	Евгений
<i>Marthe</i>	<i>Martha</i>	<i>Martha</i>	Марфа, Марта

Adèle – герм. *adel* "благородный, знатный"

Albert – герм. *ade* "благородный" + *berth* "сверкающий, блестящий"

Alice – герм. *adel* "благородный" + *heit* "состояние, сословие"

Basile – греч. *basileos* "царь"; первоначальное значение – военачальник

Éric – герм. *era* "честь" + *richi* "правитель, предводитель"

Eugène – греч. *eugenios* "благородный"

Marthe – араб. *marta* "госпожа"

Древние народы верили в то, что "благожелательные" имена дарят носителю имени богатство, благополучие, отвагу, защиту, покровительство, здоровье, славу, почет.

11. Имя государственного деятеля или знатного рода

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Antoine	Antony	Antonius	Антон
Émile	Emil	Emil	Емельян
Jules	Julius	Julius	Юлий
Serge	Sergius	Sergius	Сергей
Tatiana	Tatiana	Tanja	Татьяна
Valère	Valerius	Valerius	Валерий

Antoine – лат. *Atonius* – римское родовое имя (< *antonius* "бесценный")

Émile – лат. *Aemilius* – имя древнего патрицианского рода (< *aemilius* "соперничающий, ревностный, завистливый")

Jules – лат. *Julius* – родовое имя известной римской семьи

Serge – лат. *Sergius* – родовое имя римской семьи

Tatiana – лат. *Tatius* – имя короля сабинов

Valère – лат. *Valerius* – родовое имя (< *valere* "быть сильным, здоровым")

12. Религиозный мотив

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Anastasie	Anastasia	Anastasia	Анастасия
Benoît	Benedict	Benedikt	Венедикт
Christian	Christian	Christian	Кристина
Christophe	Christopher	Christoph	Христофор
Hannibal	Hannibal	Hannibal	Ганнибал
Jean	John	Johann	Иван

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Mathieu	Matthew	Matthäus	Матвей
Michel	Michael	Michael	Михаил
Théodore	Theodore	Theodor	Фёдор
<i>Anastasie</i> – греч. <i>anastas</i> "воскресший"			
<i>Benoît</i> – лат. <i>benedictus</i> "благословенный (богом)"			
<i>Christian</i> – греч. <i>khristos</i> "последователь Христа"			
<i>Christophe</i> – греч. <i>khristophoros</i> "несущий Христа"			
<i>Hannibal</i> – финик. "благодаря богу Ваалу"			
<i>Jean</i> – др.-евр. <i>yohanan</i> "Яхве (бог) помиловал", т. е. милость божья			
<i>Mathieu</i> – др.-евр. <i>mattathian</i> "Яхве (бог) дал", т. е. божий человек			
<i>Michel</i> – др.-евр. <i>micael</i> "божественный"			
<i>Théodore</i> – греч. <i>theodoros</i> "божий дар"			

13. Имя божества, мифологические герои

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
Aurore	Aurora	Aurora	Аврора
Denis	Denis	Dionis	Денис
Diane	Diana	Diana	Диана
Dimitri	Demetrius	Demetrius	Дмитрий
Marc	Marc	Mark	Марк
Martin	Martin	Martin	Мартин
May	May	Mai	Майя
<i>Aurore</i> – лат. <i>Aurore</i> – богиня утренней зари			
<i>Denis</i> – греч. <i>Dionys</i> – бог вина			
<i>Diane</i> – лат. <i>Diana</i> – богиня луны и охоты			
<i>Dimitri</i> – греч. <i>Demeter</i> – бог земли			
<i>Marc</i> – лат. <i>Mars</i> – бог войны			
<i>Martin</i> – лат. <i>martius</i> , от <i>Mars</i> (бог войны), т. е. посвященный богу Марсу			
<i>May</i> – лат. <i>Maja</i> – богиня весны			

Итак, этимология личных имен разных народов свидетельствует о том, что на начальном этапе своего развития имя человека было связано с его физическими качествами, с явлениями природы, с животным и растительным миром. При развитии общественных отношений появляются имена, связанные с видом деятельности, принадлежностью к роду, социальным статусом. С появлением религии возникают имена, отражающие религиозный мотив, имя божества или мифологического героя.

* * *

Таким образом, рассмотрение личных имен в изучаемых языках показывает, что личные имена являются одним из источников не только для изучения истории языка, но также для изучения истории и культуры народа. В личных именах ранних периодов отражаются первые контакты и взаимодействие языков, а также их носителей. Так, в удмуртском языке появлялись иранские, угорские, тюркские, а затем русские имена. В древнерусском именнике встречались финно-угорские, тюркские, скандинавские, а затем латинские и греческие имена.

В культурологическом плане удмуртские имена отражают этнографическую специфику. Так, например, удмурты верили, что человек с отпугивающим именем сможет избежать воздействия дурного глаза и злых духов, вызывающих болезни. В старину удмурты редко обращались по имени, широко используя при этом термины родства и свойства. На ранних этапах существовали обряды имянаречения, многие из которых ушли из современной жизни. Поверьям удмуртов имеются параллели в верованиях других народов. Самобытным у удмуртов является обычай

наречения замужних женщин воршудными (родовыми) именами.

На раннем этапе развития языка удмурты в основном использовали в качестве личных имен исконные (языческие) имена. С принятием христианства они полностью перешли на русские календарные имена. В свою очередь эти имена были заимствованы самим русским языком и отражают интернациональный фонд личных имен (ср. французский, английский, немецкий языки). Интернациональный фонд включает в себя в значительной мере лексику древних языков: латинского, греческого, древнееврейского, германского, реже скандинавского и славянского.

Сравнительный анализ этимологии удмуртских, русских и интернациональных личных имен свидетельствует о том, что у разных древних народов мотивы имянаречения были похожими. Так, в основе исконно удмуртских имен лежат: физические и моральные качества (*Пичи* "маленький", *Судай* "светлый, русый", *Бур* "добрый"), ассоциации с животным и растительным миром (*Пислег* "синица", *Кый* "змея", *Пужей* "олень", *Чипей* "щука", *Узы* "земляника"), связь с сезонами года и циклом земледельческих работ (*Пучы* "верба", *Культо* "сноп жита"), термины родства (*Апай* "тетя"), этнонимические антропонимы (*Чувашко*; *Дюч* < *Юч* "русский"). Антропонимы других национальных языков России (например селькупские) и личные интернациональные имена показывают, что в них заложены похожие мотивы имянаречения. Кроме того в личных интернациональных именах добавляются и другие мотивы: виды деятельности (*Георгий*, *Егор*, *Юрий* "земледелец"; *Ипполит* "укротитель лошадей"),

воинствующие качества (*Алексей* "защитник", *Николай* "победитель народов"), названия местности (*Лидия* – область в Малой Азии, *Роман* – "житель Рима"), социальное положение (*Василий* "царь", *Евгений* "благородный"), имя государственного деятеля или знатного рода (*Антон* – римское родовое имя, *Татьяна* – имя короля сабинов), религиозный мотив (*Анастасия* "воскресшая", *Иван* "милость божья"), имена мифологических героев (*Дмитрий* "бог земли", *Денис* "бог вина"). Эти имена говорят о высокой степени общественного развития греко-латинской цивилизации. Первоначально личные имена были мотивированы во всех языках, что свидетельствует об универсальности человеческого мышления.

Большинство интернациональных имен пришли в изучаемые языки на ранних этапах истории развития языков. В связи с этим личные имена подверглись различным фонетическим изменениям, что отразилось и на графике. Часть имен прошли все этапы развития конкретного языка и стали исконным фондом лексики языка, придав национальный колорит интернациональным именам. Это относится к личным именам французского (*Жан, Мишель*), английского (*Джек, Майкл*), немецкого (*Иоганн, Михаэль*) и русского (*Иван, Михаил*) языков.

Что касается удмуртского языка, то система личных имен прошла похожий путь развития. Первоначально использовались исконно удмуртские имена, так называемые языческие имена. При обращении в христианскую веру русская церковь нарекала удмуртов христианскими именами. На протяжении длительного времени (двух-трех столетий) существовала дуальная модель имени: использование для одного человека языческого

(первого) и христианского (второго) имени. В послеоктябрьский период удмурты стали давать детям преимущественно русские имена, рассматривая национальные имена как пережиток прошлого.

Первоначально, принимая христианские имена, удмурты старались адаптировать их к своей фонологической и морфологической системе: *Олексан, Очей, Бачи, Митрей, Малань, Микулай, Педор, Биктур, Онтон, Такай*. Таким образом, интернациональные личные имена стали приобретать национальный отпечаток в удмуртском языке, как и в случае других европейских языков. В современном удмуртском языке эти изменения встречаются только в разговорной речи. Официальные личные имена удмуртов употребляются сегодня на графическом, а следовательно и фонетическом уровне, в русском варианте.

Раздел 3. НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В УДМУРТСКОМ КАЛЕНДАРЕ (в сопоставлении с данными русского и других языков)

Во все времена человек стремился определить свое место в пространстве и во времени. На протяжении веков формировалось исчисление времени. Так был создан календарь, взятый за основу многими народами мира. Он сформирован на базе римского календаря и, следовательно, понятия были заимствованы у римлян. Само понятие "календарь" свидетельствует об этом:

1. рус.	} календарь	8. фр.	calendrier
2. удм.		9. исп.	calendario
3. эрз.		10. итал.	calendario
4. тат.		11. рум.	calendar
5. фин.	kalenteri	12. англ.	calendar
6. венг.	[naptár]	13. нем.	Kalender
7. эст.	kalender	14. лингала	kalandrier (афр.)

В данном случае исключение составляет только венгерский язык (*naptár*), который находится на особом положении в плане заимствований.

Обзор года в древнем Риме назывался *Kalendarium*, от *Kalendae* (*Calendae*) "календы" – название 1-го дня каждого месяца; первоначально первый день новолуния, о котором возвещал верховный жрец (от глагола *calare* "созывать" – в данном случае для возвещения о новолунии). Словом *Kalendarium* в те времена называлась также и долговая книга, так как проценты платили во время календ (Латинский... 1969: 208–209).

Латинская поговорка *ad Calendas Graecas*, букв. в "греческие календы", свидетельствует о том, что у

греков исчисления времени по календам не было, это сугубо римское явление. "Отложить до греческих календ" у латинян означало отложить на неопределенный срок или на срок, который никогда не наступит. Ср. фр. *renvoyer (remettre) aux calendes grecques* "отложить в долгий ящик", букв. "отложить до греческих календ" (Назарян 1978: 45). В рус. "после дожличка в четверг".

Рассмотрим названия месяцев года и дней недели в разных языках.

3.1. Названия месяцев года

Удмурты длительное время использовали собственные названия месяцев года. **Удмуртский календарь** выглядел раньше следующим образом:

толшор (толэзь) – январь, букв. "середина зимы";

тулыспал – февраль, букв. "к весне, близко к весне", т.е. канун весны;

южтолэзь – март, где *юж* "наст", букв. "настовый месяц";

оштолэзь – апрель, "месяц воды";

куартолэзь – май, где *куар* "лист", т.е. месяц распускания листвы;

инвожо (толэзь) – июнь, *Инвожо* – "бог полудня", т.е. летнее солнцестояние;

пöсьтолэзь – июль, букв. "жаркий месяц";

гудырикошкон – август, букв. *гудыри* "гром" + *кошкон* – существительное от *кошкыны* "уходить", т.е. уход грома;

куарусён – сентябрь, букв. "листопад";

коньывуон – октябрь, букв. *коньы* "белка" + *вуон* "созревание", охот. созревание шерсти шкуры белки;
шуркынмон – ноябрь, букв. *шур* "река" + *кынмон* "замерзание", т.е. замерзание реки;
толсур (*толэзь*) – декабрь, букв. "зимнее пиво", т.е. месяц зимнего праздника (Миннихметова 2000: 108).

Как и большинство народов, удмурты в древности связывали названия месяцев с явлениями природы. Долгое время эти названия встречались в диалектах и считались устаревшими в литературном языке. Сейчас они снова возвращаются, благодаря усилиям удмуртской интеллигенции (Тараканов 1998: 113).

Приведенным названиям месяцев в настоящее время стремятся придать статус официальных в удмуртском календаре. По мнению исследователей этот календарь составлен из наиболее архаических названий, т.к. среди них нет ни одного названия, связанного с земледелием или животноводством. Примечателен он тем, что не является однотипным. В словаре аккумулировались все те критерии, которые определяли временные отрезки годового цикла (Миннихметова 2000: 108).

У удмуртов слово *толэзь* одновременно обозначает "календарный месяц" и "луну". По-видимому, первоначально месяц состоял из неопределенного количества дней. В этом можно убедиться при рассмотрении годового цикла, основанного на фиксации различных явлений природы или хозяйственных занятий. Опубликованный в различных источниках перечень названий месяцев на удмуртском языке показывает неоднотипность их

происхождения и многозначность смысловой нагрузки (Верещагин 1886; Munkácsi 1887; Уваров 1986; Перевозчикова 1989; Владыкин 1994; Миннихметова 2000).

В научной литературе наиболее полно описан народный календарь закамских удмуртов. Главная особенность закамских удмуртов в том, что они в массе своей не были крещены, по всей вероятности, даже формально. Благодаря этому их духовную культуру можно рассматривать как результат особого развития дохристианской духовной культуры удмуртов. Закамские удмурты сумели донести, сохранить её до наших дней и продолжают развивать эту культуру на родном языке. Особенно это очевидно на примере календарной обрядности (Миннихметова 2000: 3–4).

Классификация названий месяцев показывает, что преобладающее их большинство мотивировано природными явлениями, сельскохозяйственными работами и вытекающими из них празднично-обрядовыми мероприятиями. Многие названия охватывают разное по длительности время. Поэтому наличие для одного и того же месяца нескольких названий ведет к большой вариативности в терминологии календаря. Термин "месяц" в современном понимании в применении к календарю закамских удмуртов является условным.

Приведем данные научных исследований, в которых рассматриваются названия месяцев **закамских удмуртов**, существующих по сей день.

Названия месяцев, отражающие явления природы

а) **погодные**

буран толэзь "буранный месяц" – февраль;

Ѕыж толэзь (лит. *юж толэзь*) "настовый месяц" – март;

ву потон дыр "время появления воды" и *апыртэ* (диал.) "грязь появляется" – оба названия соответствуют апрелю;

гыдыръян (лит. *гудыръян*) *толэзь* "месяц грозы, грома" – пик опасных молний и гроз приходится на июль месяц. В этот период года предписывается строго соблюдать определенные правила, иначе можно рассердить Бога грозы / грома и он накажет провинившегося;

быс усён дыр (лит. *бус усён дыр*) "пора спускания тумана" или *пужмер усьыны кутйськыны* (лит. *пужмер усьыны кутскыку*) "когда инеем покрываться начинает" – эти названия говорят о наступлении августа месяца, когда ночи заметно охлаждаются и приносят ущерб урожаю некоторых овощных культур и нежных видов растительности;

зоро толэзь "дождливый месяц" и *виль* (лит. *виль*) *лымы* "новый снег" – непрерывные дожди в октябре, как правило, к концу месяца переходят в снег, поскольку оба признака характеризуют переходное от осени к зиме время.

б) фенологические (т. е. связанные с местной флорой и фауной)

В названиях отражаются явления живой природы, обусловленные сменой времен года: сроки распускания почек, цветения растений, прилета и отлета птиц, пробуждения животных от зимней спячки, появления насекомых и т. п.

- шушы лыктон дыръя* "время прилета снегирей" – это случается в декабре, но чаще всего в январе месяце. В самые трескучие морозы снегири прилетают из леса в места обитания людей;
- сьёд куака толэзь* "грачиный месяц" или *сьёд куакаос лыктон толэзь* "месяц прилета грачей" – название месяца отражает время прилета первых весенних птиц в эти края. Изначально оно, возможно, было связано с культом грачей. Закамские удмурты верят, что грачи приносят весну;
- бадьпу вылын ко́чышти* "котенок на вербе" – такое необычное название носит период распускания почек вербы, когда появляются первые признаки оживающей природы. Видимо, сравнение нежных пушистых почек с котенком объясняется запретом называть их открыто своим именем, тем самым "предостерегая" растение от вредоносных сил;
- тылобурдо лыктон дыр* "время прилета птиц" – перелетные птицы в основном прилетают в эти края в апреле месяце;
- сырсу* (лит. *сурсу*) *виян дыр* "время березового сока" – с середины апреля. Березовый сок у удмуртов и сегодня считается лекарственным напитком, при помощи которого лечат болезни органов пищеварения;
- куар потон толэзь* "месяц появления листьев" – май;
- льёмпу сяськаякы* "период цветения черемухи" – период возвращения холодных ветров, ночных заморозков на почве, иногда и

выпадением снега, т. е. таких условий погоды, которые губят цветущие плодово-ягодные растения, рассаду овощных культур, вылупившихся птенцов птиц, молодняк скота;

италмас сяська поттыкы "когда купальница расцветет". У удмуртов купальница – *италмас* считается магическим цветком. У закамских удмуртов сохранилось особое отношение к италмасу. Его не разрешается срывать: быть несчастьем и жизнь прервется нечаянно. В период его цветения ходят на италмасные луга смотреть на цветы;

куар бичан толэзь "месяц сбора листьев". В народе это название носит некий оттенок сакральности и табуированности. Листья и травы, собранные в мае месяце, считаются лекарственными в течение всего года;

кику силён (лит. *кiky силён*) "кукование кукушки". Термин содержит в себе несколько значений: а) лето уже наступило; б) отсюда следует, что нельзя тревожить лес"; в) этот период служит ограничителем обрядовых действий, связанных с поминовением усопших;

куака пи поттон дыр "время выведения птенцов (грачиных)" – это время, когда надо быть внимательным и остерегаться грачей, так как они охотятся за птенцами домашних птиц;

лузь потон дыр "время появления слепней / оводов" – в период поспевания ягод появляются тучи слепней, оводов и паутов,

от которых страдают лошади и крупный рогатый скот;
шу бичан "время сбора калины". Для удмуртской кухни калина является начинкой различных видов пирогов; распространенными блюдами являются калиновый кисель, сок, морс;
куар усён толэзь "месяц листопада" – сентябрь;
тури кошкон "время отлета журавлей" – в первые две декады сентября месяца провожают журавлей в теплые края. Наблюдают при этом, какую форму принимала улетающая стая, четное или нечетное количество птиц было в ней и т. д.

в) климатические

Климатические условия отразились в названиях двух месяцев:

кезьыт толэзь "холодный месяц" – так называют обычно январь;

пӧсь толэзь "жаркий месяц" – июль.

Принято считать, что эти два месяца взаимосвязаны между собой: погода зимнего месяца сказывается на летнем, и наоборот. Другими словами: в январе – мороз, в июле – жара.

Названия месяцев, связанные с хозяйственной деятельностью

а) земледельческие

гырон-кизён толэзь "месяц вспахивания-сеяния";
бусы уже потон толэзь "месяц выезда на полевые работы"; *кизьины потон толэзь* "месяц выезда на сев" – чаще всего весенне-полевые работы приходятся на май месяц;

вось толэзь "месяц молений" – одно из основных названий июня. Завершение весенне-полевых работ обставлялось различными обрядами с жертвоприношениями многим богам, преклонением перед ними, молитвами благодарения;

музьем вордйськон дыр "время рождения земли" – небольшой промежуток времени, включающий всего несколько дней. Эти дни и сегодня отмечаются закамскими удмуртами и считаются самыми таинственными. Традиция эта древняя и связана с культом Земли. Закамским удмуртам присуще представление о Земле как женщине; в это время она считается беременной и не разрешается её тревожить: копать, вбивать колья, полоскать в воде бельё, строить. Согласно традициям различных народов мира, в этот период Земля в наибольшей степени "реализует" свою плодотворящую силу, поэтому с ней надо обращаться нежно, относиться к ней бережно;

куар вöсян "освящение листьев" – необычный сакральный период июня месяца. Это означает, что земля разродилась / расплодилась и наступил этап, когда появляется / распространяется весть о плоде – в данном случае, это листва деревьев;

зёг кизён дыр "время посева ржи" – озимую рожь сеют в паровом поле, как правило, эта работа завершается в августе месяце;

сйзыыл вӧсь "осеннее моление" – всеобщий праздник поклонения всем богам и духам-покровителям по завершению уборочных работ.

Аграрный календарь закамских удмуртов фиксирует все этапы сельскохозяйственного сезона и свидетельствует о хорошем знании удмуртскими крестьянами природы, позволяющем вовремя совершать работы.

б) животноводческие

Животноводство является второй по значимости отраслью в хозяйстве удмуртов. Такой древний вид занятий как скотоводство выработал и соответствующую региональную обрядность. Ниже даны связанные с обрядами названия временны́х отрезков года и их соответствия с месяцами в современном понимании.

ӥӧжи сиён дыр "время поедания молозива" – более всего насыщен празднованием этого обычая март месяц;

ыж ӥышкон дыр "время стрижки овец" – конец марта. Стриженные в марте овцы успевают обрести шерстью до выгона скота на пастбище; тогда они уже не мерзнут. В Закамье овец стригут еще в начале августа до начала их пастьбы в убранном от урожая поле;

ӥазег нукон дыр "время высиживания гусей",
ӥазегпи потон дыр "время появления гусят" – выращивание гусей является распространенным видом занятий удмуртов;

- пудо потыкы* "когда скот выгоняют" – начало мая, первый день выгона скота;
- куар вандон дыр* "время заготовки веточного корма" – заготовка зеленых веток для будущего приплода домашних животных является обязательным. Молодняк пользуется особым отношением и почитанием. Культ молодняка скота и птиц (появление телят, гусей и др.) соблюдается и в наши дни;
- пудо вандон дыр* "осенний забой скота" – самое большее длится две недели; к нему приступают с наступлением устойчивых морозов. Убой каждого животного отмечается особым ритуалом, призванным обеспечить благополучие крестьянского стада и его хозяев.

В целом перечисленные названия месяцев календаря закамских удмуртов показывают их разнотипность. В основе названий месяцев лежат природные явления, хозяйственные занятия, представления о сезонах года, обряды с жертвоприношениями и праздники. Строгой системы разбивки года на определенные отрезки у закамских удмуртов не было. Народный календарь закамских удмуртов является опытом многовековых наблюдений человека над природой и представляет собой источник для изучения истории верований и народных знаний (Миннихметова 2000: 94–111).

Названия месяцев в удмуртском языке в настоящее время совпадают с русскими.

Русские названия месяцев в памятниках удмуртского языка впервые зафиксированы в XIX в. (Р.Ш. Насибуллин):

<i>январь</i> – 1874	<i>июль</i> – 1874
<i>февраль</i> – 1874	<i>август</i> – 1874
<i>март</i> – 1874	<i>сентябрь</i> [<i>сентябр</i>] – 1874
<i>апрель</i> – 1889	<i>октябрь</i> – 1874
<i>май</i> – 1889	<i>ноябрь</i> [<i>ноябр</i>] – 1874
<i>июнь</i> – 1877	<i>декабрь</i> [<i>декабр</i>] – 1874

Как видим, русские названия месяцев используются в удмуртском языке уже более века. Их появление связано с введением христианства у удмуртов.

Русский народ названия месяцев раньше связывал с сезонными изменениями природы и сроками полевых работ.

Аграрный календарь русского крестьянина, месяцеслов, складывающийся в течение многих столетий, представляет собой явление русской культуры (Звездова 1995: 114). По народной примете в разных районах месяцы назывались по-разному:

январь: сечень, просинец, просий, студень, огневик, снеговик, лютый, лютовей, трескун;

февраль: сечень (начинается вырубка леса), межень, лютый (пора снегопадов, метелей, последних предвесенних морозов), лютой, лютень, ветродуй, вьюговей, зимобор, снегосей, снежень, снежен, снежа, крутень, бокогрей, бокогреюшко, враль;

март: березень, солнечник, березозол, солногрей, каплюжник, капелюжник, капельки, капитель, капельник, протальник, дорогорушитель, водотек, свистун, ветронос, парник, огородник, весновка, весновой, позимье, перезимник, зимобор, предвесенье, пролетень, пролетье,

- грачевник, разнопогодник, бокогрей, соковник;
- апрель*: цветень, березозол, березозор, березнь, березозоль, березень, капризник, обманщик, плут и лукавец, снегосгон, снеготок, водолей, водолом, ледолом, парильник, пролетень, красная горка, первоцвет, соковник, травень;
- май*: травень, травный, цветень, розоцвет, майник, листопук, росеник, пролетень (летень), муравник, разноцвет, розник, земляничник;
- июнь*: изок, кресень, кресник, червень, червен, млечень, первотравье, муравник, разноцвет, розник, земляничник;
- июль*: липец, червец, червень, сенестав, жарник, прибириха, страдник, грозник, гроговик, косень, косяч, сенокосник, сенокосец, сенозарник, серпень;
- август*: серпень, зарев (рев животных во время течки), зорев (пора ярких зорь), густарь-густоед, густарь, густырь, зорничник, зарник, зарничник, хлебосол, хлебовень, капустник, разносол, живень, ленорост, ленораст, межняк, жнивень, прибириха, припасиха;
- сентябрь*: вересень, вресень, руен, руин, рев, груздобер, ревуи, дождезвон, зоревник, зорев, северняк, хмурень (месяц угасающего лета), летоприводец, летоприводец;
- октябрь*: октябрь-зазимник, листопад, листопадник, грязник, грудник, зазимник, предзимье, позимник, листовой, желтень,

кисельник, крутоверть, хлебник,
древопилец, капустник, паздерник (юж.);
ноябрь: грудень или груздень, грудын, груден,
листокос, листопад (болг. падалист),
чернотроп, курятник;
декабрь: студень, студень, хмерень, грудень,
ветрозвон, ветрозим, ознобень, заверняй,
заморозь, тянуга, стужило, стужайло,
лютовой, лютень, ледостав, ледостой,
заледки, рекостав, просинец (Звездова
1995: 118; Шур 1962: 163–164).

Здесь представлены многочисленные варианты названий. С целью наибольшей полноты языковой характеристики даются не только названия месяцев как таковые, названия-термины, но и всевозможные слова-характеристики, передающие синкретизм народного слова. В процессе словопроизводства в качестве мотивирующих выступали признаки, связанные с состоянием и изменением погоды, с животным и растительным миром, с выращиванием урожая, что отражает событийный характер старого восприятия времени (Звездова 1995: 117, 119).

Известно, что самосознание русского крестьянина (и в целом русский менталитет) формировалось на фоне взаимодействия двух культур, двух вер – язычества и христианства, важнейшим свидетельством чего явилось взаимодействие двух календарей – народного и церковного. Это отражало глубинные процессы формирования ментальности русского крестьянства и русского менталитета в целом, для которого внутренняя противоречивость (наличие противоположностей) становится неотъемлемым свойством (Звездова 1995: 114).

Несмотря на тысячелетнее официальное господство православной церкви, языческие воззрения были народной верой и вплоть до XX в. проявлялись в обрядах, хороводных играх, песнях, сказках и народном искусстве в целом (Рыбаков 1987: 782). Соединение язычества и христианства получили отражение в русском слове. Христианство как новый феномен в культуре Древней Руси входило в жизнь древнего русича вместе с книжностью, и письменная речь долгое время играла роль кумулятора культовой информации. Устная речь выполняла одновременно речемыслительную (в первую очередь мировоззренческую) функцию среднего человека Средневековья. В связи с этим народный месяцеслов, связанный почти полностью с устной языковой традицией, явился наиболее полным "вместилищем" народного сознания и сокровищницей живого русского слова, из глубины веков дошедшего от предков.

Знакомство с названиями месяцев – наиболее древней группы лексики – свидетельствует о старом типе мышления, свойственной дохристианской поре. Это "художественный", "поэтический" тип мышления, который связан с особым характером познания окружающего мира древним человеком (Звездова 1995: 115–116).

Русский язык находится в определенных отношениях к другим славянским языкам. В его языке обнаруживаются, с одной стороны, элементы, являющиеся общими для всех славян, а с другой – элементы, сближающие его только с другими восточнославянскими языками. Кроме того в нем есть черты, отличающие русский язык от всех остальных славянских языков, в том числе и от украинского и

белорусского. Все это объясняется историческими путями образования и развития русского языка. При рассмотрении вопроса о месте русского языка в кругу иных славянских языков встает необходимость выяснения тех языковых особенностей, которые, во-первых, сближают все славянские языки, во-вторых, отличают восточных славян от южных и западных и, наконец, в третьих, характеризуют лишь русский язык в отличие от украинского и белорусского языков (Иванов 1990: 57).

У других славянских народов месяцы также назывались по особенно заметным свойствам природы. Они до сих пор сохранились в украинском, белорусском, польском и других славянских языках. В качестве примера приведем названия месяцев в **современном украинском языке:**

сичень – январь, от *сечь* – рубить лес, готовить землю под пашню;

лютий – февраль, т.е. "суровый";

березень – март, т.е. "березовый";

квитень – апрель, т.е. распускаются цветы (*квиты* "цветы");

травень – май, т.е. растет трава;

липень – июнь, т.е. время цветения липы;

червень – июль, букв. "красный" – от зреющих плодов;

серпень – август, пора жатвы серпом;

вересень – сентябрь, букв. "хмурый";

жовтень – октябрь, букв. "желтый" – от желтых листьев;

листопад – ноябрь, т.к. падают листья с деревьев;

грудень – декабрь, от *груда* – смерзшаяся комьями земля (Брагина 1978: 112).

Таким образом, все названия месяцев современного украинского языка имеют параллели среди старых русских названий: *сичень* (рус. *сечень*), *лютый* (рус. *лютый, лютый, лютедь*), *березень* (рус. *березень*), *квитень* (рус. *цветень*), *травень* (рус. *травень, травный*), *липень* (рус. *липец*), *червень* (рус. *червен, червень, червец*), *серпень* (рус. *серпень*), *вересень* (рус. *вересень, вресень*), *жовтедь* (рус. *желтедь*), *листопад* (рус. *листопад, листопадник, листовый, листокос*), *грудень* (рус. *грудень, груден, грудьн*).

Известно, что общие языковые элементы во всех славянских языках возникли в период общеславянского единства, в период существования праславянского языка, и являются наследием этого единства. Вместе с тем, такие общие черты могли возникнуть и после распада общеславянского единства в результате параллельного развития явлений в диалектах-предках разных славянских языков (Иванов 1990: 57).

Современные названия месяцев года в русском языке берут начало из латинского языка.

По древнейшему римскому календарю год состоял из десяти месяцев. Первым месяцем считался март. Месяцы римского календаря носили следующие названия (прилагательные-определения при слове *mensis* "месяц"):

mensis Martius – *март* – начало полевых работ – в честь бога полей и пастбищ Марса (позднее Марс стал у римлян богом войны);

mensis Aprilis – апрель – от глагола aperire "открывать", так как в апреле раскрываются почки на деревьях и пробиваются зеленые всходы на полях;

mensis Majus – май – в честь Майи, богини земли, весеннего расцвета. Ее имя одного корня со словом *майор* (лат. *maior* "старший", "большой"). Считалось, что Майя способствовала росту и ей обязаны своим развитием травы, злаки, домашние животные;

mensis Junius – июнь – по одной из версий от имени одной из верховных богинь римской мифологии – Юноны, богини плодородия, покровительницы брака и рождения (Шур 1962: 87; Латинский... 1969: 207; Люстрова 1976: 20); по другой версии от имени Юниуса Брутуса (*Junius Brutus*) – первого консула Рима, одного из основателей Республики (D, 405).

Шесть следующих месяцев своим названием показывали порядок следования с начала года:

mensis Quintilis "пятый"; с 44 г. до н. э. *Julius* – июль, в честь Юлия Цезаря, римского императора I в. до н. э., который провел реформу календаря;

mensis Sextilis "шестой"; с VIII в. н. э. *augustus* – август, древнеримское слово *augustus* означает "величественный". Оно стало титулом одного из римских императоров – Октавиана Августа. В его честь назван месяц. До революции в русском языке употреблялось прилагательное *августейший*, в речи придворных оно означало "царский, царственный" (Успенский 1967: 49);

mensis September "седьмой" – сентябрь;
mensis October "восьмой" – октябрь;
mensis November "девятый" – ноябрь;
mensis December "десятый" – декабрь.

На рубеже VII и VI вв. до н. э. из Этрурии был заимствован календарь, в котором год делился на 12 месяцев, *январь* и *февраль* следовали после *декабря*:

mensis Januarius – январь, одиннадцатым месяцем стал управлять двуликий Янус. Имя бога связано со словами *janus* "крытый проход" и *janua* "дверь". Этот бог охранял все входы и выходы, начиная от городских ворот до дверей каждого дома, и поэтому нередко изображался с ключом в руке. Как верный страж римлян и повелитель времени, Янус имел два лица, чтобы видеть все перед собой и за своей спиной, заглядывать в будущее и не забывать о прошлом;

mensis Februarius – февраль – месяц очищений (от *februaire* "очищать", т.е. приносить искупительную жертву в конце года).

Юлий Цезарь в 46 г. до н.э., по совету египетского астронома Сосигена, провел коренную реформу календаря по образцу, принятому в Египте. Был установлен четырехгодичный солнечный цикл (365 + 365 + 365 + 366 = 1461 день) с неравной продолжительностью месяцев, принятой до сих пор: 30 дней (апрель, июнь, сентябрь, ноябрь) и 31 день (январь, март, май, июль, август, октябрь, декабрь), в феврале – 28 дней в течение трех лет и 29 дней для четвертого года. Год с добавочным днем, каждый четвертый год, назывался *bi(s)sextilis* (с повторным шестым днем), откуда во

французском *bissextil* – а в русском языке (через посредство греческого) – название *високосный*.

Начало года Цезарь перенес на первое января. Так как с этого дня консулы вступали в должность, начинался римский хозяйственный год.

Этот календарь ("юлианский", "старый стиль") применялся в России до 1918 г. Декретом Совета народных Комиссаров РСФСР от 26 января 1918 г. был введен более точный общераспространенный "новый стиль", или григорианский календарь, по имени папы Григория XIII. В 1582 году взамен юлианского был принят исправленный календарь во Франции, Италии, Испании, Португалии, позднее и в других странах (Шур 1962: 87–88; Успенский 1967: 49, 165, 301; Латинский... 1969: 207–209, Люстрова 1976: 20; Henry 1989: 106–107).

Поскольку современные европейские народы живут, как правило, по римскому календарю, то в названиях месяцев года используются **интернациональные слова**, восходящие к латинскому языку:

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
janvier	january	Januar	январь
février	february	Februar	февраль
mars	march	März	март
avril	april	April	апрель
mai	may	Mai	май
juin	june	Juni	июнь
juillet	july	Juli	июль
août	august	August	август
septembre	september	September	сентябрь
octobre	october	Oktober	октябрь
novembre	november	November	ноябрь
décembre	december	Dezember	декабрь

Половина месяцев в интернациональном календаре связана с именами богов или знаменитых людей, четыре месяца обозначают порядковый номер месяца года.

Славянские народы началом года считали пору сбора урожая, что соответствует сентябрю. Знаменательно, что, например, первый месяц **французского республиканского календаря** (который существовал недолго), или календаря якобинцев, во времена Великой французской революции назывался *вендемьер* (соответствует сентябрю) и связан со сбором урожая. Все двенадцать месяцев получили имена с прозрачной внутренней формой, в которой отражены особенности времени года и сельской жизни:

vendémiaire "вендемьер" – сентябрь, *vendanges* "сбор винограда";

brumaire "брюмер" – октябрь, *brumes* "туманы";

frimaire "фример" – ноябрь, *frimas* "изморозь";

nivôse "нивоз" – декабрь, *neiges* "снега";

pluviôse "плювьёз" – январь, *pluies* "дожди";

ventôse "вантоз" – февраль, *vents* "ветры";

germinal "жерминаль" – март, *germe* "завязь", т.е. пора завязи;

floréal "флореаль" – апрель, *fleur* "цветок", т.е. цветущий;

prairial "прериаль" – май, *prairies* "луга";

messidor "мессидор" – июнь, *moissons* "жатвы";

thermidor "термидор" – июль, *thermo* "тепло, жара";

fructidor "фруктидор" – август, *fruits* "фрукты", т.е. плодонесущий.

Один из своих романов Э. Золя назвал "Жерминаль" – по названию месяца республиканского календаря. Автор толковал *жерминаль* как время

цветения, радости, которое должно наступить для людей.

Исследователи выдвигают предположение о том, что совпадение французского республиканского календаря со славянским не случайно, по-видимому, он был создан по аналогии с последним. Это предположение обосновывается следующим образом. Шарль-Жильбер Ромм (1750–1795), выдающийся французский математик, один из изобретателей телеграфа, будущий якобинец, много лет прожил в России, не однажды ездил на Украину. Он был воспитателем графа Павла Строганова, ставшего в дальнейшем известным русским дипломатом. Ш.-Ж. Ромм изучал русский язык, знал русскую историю, был дружен со многими русскими государственными деятелями, литераторами, учеными, присутствовал на заседаниях Российской Академии наук. Он вернулся во Францию перед революцией 1789 г., был избран депутатом Конвента в 1791 г. Именно он и предложил новый республиканский календарь (Брагина 1978: 112), который вошел в историю и тесным образом связан с Французской революцией.

Таким образом, в истории разных языков названия месяцев отражали национальную специфику и удмуртский язык – не исключение. Эта национальная специфика включает в себе общечеловеческий характер мышления, который объединяет древних людей. Названия отражают событийный характер восприятия времени, в основном – это состояние природы, связь с растительным и животным миром. В современных языках, рассмотренных нами, для названий месяцев используется, как правило, интернациональная лексика, восходящая к латинскому языку.

3.2. Названия дней недели

В удмуртском языке слово *арня* "неделя" – это проточувашское или древнебулгарское заимствование: др.-булг. *арна кѣн* "пятница" (Алатырев 1988: 115). В истории удмуртского языка существовали названия дней недели, которые в новейшей истории длительное время были диалектными:

вордйськон – понедельник, букв. "рождение, возникновение";

пуксён – вторник, сущ. от *пуксьыны*: напр., *шунды пуксён* "заход солнца", т. е. букв. "сидение". Термин означает, видимо, окончательное установление, вхождение недели в свое русло (Тараканов 1982: 71; Владыкин 1994: 224). В колдовско-знахарском искусстве есть выражение *арня пуксем бере*, т. е. "после того как неделя села", в смысле "установилась" (только после этого можно было начинать некоторые виды порчи) (Миннихметова 2000: 91);

вир нунал – среда, букв. "день крови". У сопредельных народов – марийцев, чувашей, татар, мордвы-мокши, башкир – название среды переводится так же, а смысл его связывается с кровавыми жертвоприношениями. С этим предположением можно было бы согласиться, но в литературных источниках и в полевых материалах среда не выделяется у удмуртов как особый ритуальный день, когда приносились какие

бы то ни было кровавые жертвы. Возможно, название этого дня недели было заимствовано удмуртами у древних булгар, у которых этимология данного слова действительно связывалась с кровавыми жертвоприношениями;

покчи арня – четверг, букв. "малая неделя" или "предпятничный день". Слово *арня* переводится и как "неделя" и как "пятница". День посвящался следующему дню – пятнице. В четверг обязательным было мытье в бане;

бадзым арня – пятница, букв. "большая неделя".

В прошлом этим днем завершалась неделя, он считался днем отдыха. И в настоящее время в пятницу пожилые люди не разрешают стирать, убираться в доме, вязать, вышивать. Пятница у чувашей (*эрнекун*, букв. *эрне* "неделя" + *кун* "день") также был днем свободным от трудов, днем отдыха; то же самое – у соседних мусульманских народов – татар, башкир;

кӧс нунал – суббота, букв. "сухой день";

ӓуч арня – воскресенье, букв. "русская неделя".

День получил название под влиянием русских, производивших в воскресные дни на базарах куплю-продажу продукции кустарных промыслов и сельскохозяйственного производства (Миннихметова 2000: 90–93).

До недавнего времени, т. е. до 60-х гг. XX столетия, из всех дней недели сакральное значение имела пятница. Святость этого дня, по возможности, соблюдают и сейчас, в зависимости от возраста

человека или устоявшихся норм поведения членов отдельно взятых семей. Все остальные дни являлись трудовыми буднями. О противопоставлении святого дня всем другим дням недели свидетельствуют названия будних дней у закамских удмуртов: *мукет нынал* "другой, иной, не такой день", *огшоры нынал* "простой, обыкновенный, обыденный, обычный день".

Будние дни делились на "положительные" и "отрицательные". К первой группе относились (да и сейчас к этим дням сохранилось во многом прежнее отношение) понедельник, четверг, воскресенье; тяжелыми считались вторник, среда, суббота. Объяснить по какому принципу распределялись дни недели довольно сложно. В основе народного толкования счастливых и несчастливых дней лежало несколько критериев оценки. В качестве этих критериев обычно использовались универсальные семантические оппозиции: чет – нечет, мужской – женский, первый – последний, постный – скоромный и т. п. (Толстая 1987: 168). Однако указанные оппозиции не подходят для разделения дней недели у удмуртов Закамья.

Современные названия дней недели в удмуртском языке совпадают с русскими, за исключением слова *арнянунал*, *арня* "воскресенье".

Русские названия дней недели в памятниках удмуртского языка зафиксированы в XIX в. (Р.Ш. Насибуллин):

понедельник – 1888

вторник [*офторник*] – 1890; в это же время зафиксированы названия: удм. *пуксён* и булг. *шумат*

среда – 1877

четверг [*четверток нунал*] – 1880

пятница [*пятнича*] – 1847

суббота – 1847

воскресенье [*воскресение*] – 1877.

Диалектные слова современного удмуртского языка, обозначающие месяцы и дни недели, относились некогда к основному словарному фонду и отражали исконную лексику. Как показывает исследование Р.Ш. Насибуллина, они были вытеснены в третий период проникновения русских заимствований в удмуртский язык (с 1847 по 1905 гг.). Объясняется это внедрением православных праздников среди удмуртов. В этот период, связанный с изданием большого количества переводной религиозной литературы, зафиксированы многочисленные слова, относящиеся к православной церкви (Насибуллин 1999: 11). В наши дни диалектные слова активно внедряются в литературный удмуртский язык (Тараканов 1998: 113).

Названия дней недели в русском языке остались в том варианте, в котором они были **заимствованы** римлянами в I в. н.э. у **древних евреев**, т.е. обозначены в основном порядковыми номерами:

понедельник – первоначальное значение было мотивированным: "день, идущий после (по) недели (= совр. *воскресенье*)". Затем слово *неделя* утратило значение "воскресенье" (сохраненное до сих пор некоторыми славянскими языками) и все чаще стало употребляться в значении "отрезок времени продолжительностью в 7 дней";

вторник – "второй";

среда – церковнославянского происхождения, вместо исконно русского *среда* "сере-

дина"; в русском языке слово *среда* соответствует немецкому *Mittwoch* (оба названия мотивированы как "середина недели", но в немецком и "середина" и "неделя" прямо указаны соответственно первым и вторым компонентом: *Mitt* + *woch*, в русском же указана только "середина", а "неделя" выражена имплицитно).

четверг (в старину *четверток*) – "четвертый";

пятница – "пятый";

суббота – др.-евр. *sabbath* "отдых, покой", связано с глаголом, значившим "кончать работу", "отдыхать", "праздновать"; отсюда в русском разг. *шабаш*, *пошабашить* (*шабаш* "суббота у евреев");

воскресенье – из "день воскресения (из мертвых)" получилось значение "воскресный, нерабочий день". Первоначально в этом значении употреблялось *неделя* "нерабочий день", букв. "нет дел". Современное название дня недели мотивировано христианским мифом о воскресшем из мертвых Иисусе Христе (Шур 1962: 163; Успенский 1967: 286; Маслов 1975: 136–141).

В истории русского языка XVIII века существовало такое явление как **салонный жаргон**. Салонный жаргон претендовал на изысканность, светскость, легкость обращения. Поэтому все, что, по мнению аристократов, не уживалось с легким и изысканным словоупотреблением, устранялось.

Вот образец модных во второй половине XVIII века названий *дней недели*, которые были как бы зашифрованы и известны только в узкозамкнутом кругу носителей жаргона:

"Мы располагаем дни так, чтобы всегда быть вместе: в *серинькой* ездим в английскую комедию, в *пестринькой* бываем во французской, в *колетца* – в маскараде, в *медный таз* – в концерте, в *сайку* смотрим русский спектакль, в *умойся* – дома, в *красное* ездим прогуливаться за город. Таким образом, держу её болванчиком*, до того времени, как встретится другая". Подобное словотворчество высмеивалось представителями прогрессивной русской интеллигенции того времени (Ефимов 1971: 126).

Рассмотрим названия дней недели в **современных европейских языках**, которые не совпадают с современными русскими названиями, и которые берут свое начало также **из латинского языка**.

В Древнем Риме месяц делился на части по числу базарных, нерабочих дней, когда земледельцы приходили в город на рынок. Эти дни, свободные от полевых работ, назывались *nundinae* (от *nonus dies* "девятый день"). Римская неделя содержала восемь дней: семь рабочих и один праздничный; последний назывался "девятидневной", потому что при подсчете дней включался и предыдущий нерабочий день (т.е.: *nundinae* + *septem dies* + *nundinae*).

Деление месяца на семидневные недели впервые вошло в употребление на Древнем Востоке. В I в. н.э. под влиянием древних евреев оно стало употребляться в Риме, откуда позднее распространилось по всей Западной Европе.

* Специфические значения создавались путем метафоризации. *Болванчик* – ласкательное название, которое давали друг другу любовники (Ефимов 1971: 125).

Цифру семь считали в древности на всем Ближнем Востоке, а еще раньше в Древней Греции и Риме "святым" числом. Первобытные народы приписывали ей из суеверий магическое и даже символическое значение. Так, вавилонская башня имела 7 этажей, Рим был построен на семи холмах. По индийскому учению, Будда сидел под смоковницей с семью плодами. Китай и Япония также почитали число семь. В Древней Греции знали о семи чудесах света, о семи мудрецах. Не случайно в неделе – семь дней, в радуге – семь цветов, а в музыке – семь нот.

Это явление отражено в разных языках, например:

В русском: цветик-*семицветик*; *семь* пятниц на неделе; *семь* раз отмерь – один отрежь; на *седьмом* небе от счастья; *седьмая* вода на киселе; у *семи* няnek дитя без глазу.

В удмуртском:

Кышномуртлэн лулыз *сизьым* полэс "У женщины *семь* душ";

Кыкез гыре, *сизьыме*з сылэ "Двое пашут, семеро стоят";

Огез герыен, *сизьыме*з пуньыен "Один с сошкой, *семеро* с ложкой";

Сйзьыл нунал *сизьым* пöртэм "Осенний день *семь* раз меняется";

Алангасар *сизьым* пол кулэм "Алангасар *семь* раз умирал" (Алангасар – мифологический персонаж);

Урод ужъёсыз эн кизы: кизид ке – *сизьым* люкет мултэсэн аралод "Не сей недобрых дел: посеешь – в *семь* раз больше пожнешь";

Кытын одйг мурт нёжтоз, отын *сизьым* мурт кырзалоз "Где один подтянет, там *семеро* спюют";

Кылыныз *сизьым* шур йылэ вуттоз "Язык до Киева доведет" (букв. "Языком он доведет до истоков *семи* рек").

Во французском:

bottes de *sept lieues* "семимильные сапоги, сапоги-скороходы";

l'écharpe aux sept couleurs поэт. "радуга", букв. "шарф семи цветов";

les *sept péchés capitaux* "семь смертных грехов";

il faut tourner sept fois sa langue dans sa bouche avant de parler посл. "слово не воробей, вылетит не поймаешь; думай, что говоришь", букв.

"прежде, чем говорить, надо повернуть семь раз свой язык во рту".

Итак, в заимствованной римлянами семидневной неделе только один день имел особое название – "суббота" (др.-евр. *sabbat* "отдых, покой"), остальные дни назывались порядковыми номерами в неделе: 1-й, 2-й и т.д.

Затем римляне назвали дни недели по семи светилам, носившим имена римских богов. Названия следующие: суббота – день Сатурна (*Saturni dies*), дальше – день Солнца (*Solis dies*), Луны (*Lunae dies*), Марса (*Martis dies*), Меркурия (*Mercuri dies*), Юпитера (*Jovis dies*), Венеры (*Veneris dies*) (Шур 1969: 47; Латинский... 1969: 209–210; Garrus 1988; Henry 1989: 106).

Латинские названия, видоизменившись, отчасти сохраняются до сих пор в названиях дней недели во многих языках Западной Европы:

<i>фр.</i>	<i>англ.</i>	<i>нем.</i>	<i>рус., удм.</i>
lundi	Monday	Montag	понедельник
mardi	Tuesday	Dienstag	вторник
mercredi	Wednesday	Mittwoch	среда
jeudi	Thursday	Donnerstag	четверг
vendredi	Friday	Freitag	пятница
samedi	Saturday	Sonabend	суббота
dimanche	Sunday	Sonntag	воскресенье, арня нунал (арня)

- lundi* "понедельник", лат. Lunaе dies "день Луны"; ср. англ. Monday, нем. Montag (Mond "луна" + "день");
- mardi* "вторник", лат. Martis dies "день Марса". Марс – бог войны; ср. англ. Tuesday, нем. Dienstag (Tuу – бог тьмы в германской мифологии);
- mercredi* "среда", лат. Mercuri dies "день Меркурия". Меркурий – в римской мифологии бог торговли, покровитель путешественников; ср. англ. Wednesday (Вотан – бог войны в германской мифологии), нем. Mittwoch, букв. "середина недели";
- jeudi* "четверг", Jovis dies "день Юпитера". Юпитер – верховный бог в римской мифологии; ср. англ. thursday, нем. Donnerstag, букв. "день бога грома" (Тор – имя германского бога грома);
- vendredi* "пятница", лат. Veneris dies "день Венеры". Venus "Венера" – в римской мифологии дочь Юпитера и Дианы. Первоначально богиня весны и садов, впоследствии отождествлялась с греческой богиней Афродитой и почиталась как богиня красоты, любви и брака; ср. в англ. Friday, нем. Freitag, букв. "день Фрейи" (Фрейя – богиня любви в германской мифологии);
- samedi* – др.-евр. sabbat "отдых, покой"; ср. англ. Saturday "день Сатурна", нем. Sonnabend "вечер солнца";
- dimanche* "воскресенье". Кл. лат. dies dominica > позд.-лат. Dominica "день Господа"; ср. в англ. Sunday, нем. Sonntag "день солнца".

В англо-германских названиях дней недели часть римских богов отождествляется с богами германской мифологии: богиня любви Фрейя – с Венерой (Fri-day, Frei-tag); бог грома Тор – с Юпитером (Thur's-day, Donners-tag); бог войны Вотан – с Марсом; при этом происходит перестановка дней; dies Martis – вторник, а Wednesday (= Woden's-day) – среда. Для вторника же дается название по имени бога тьмы Tiu: Tuesday < Tiu's-day).

* * *

Сравнительный анализ названий месяцев года и дней недели показал, что удмуртский и русский языки используют интернациональную лексику в названиях месяцев, образованную на латинской основе. Что касается дней недели, то их порядковые номера в данных языках также связаны с римской семидневной неделей и могут рассматриваться как слова-кальки. В языках Западной Европы, в частности французском, английском, немецком, – иные названия дней недели: в основном это названия богов, которыми были названы дни недели римлянами в более поздний период. Германские языки (английский и немецкий) внесли свои коррективы, используя имена богов германской мифологии.

Латинские элементы русского и удмуртского языков являются частью интернационального лексического фонда языков народов мира. Так, названия месяцев и дней недели полностью заимствовали из русского языка и другие языки России, например мокшанский, мансийский, эвенский, ненецкий (Взаимовлияние... 1987: 52).

В удмуртском языке, как отмечалось выше, в последние десять лет удмуртской интеллигенцией усиленно внедряются старые названия, обозначающие

месяцы года и дни недели. Опрос информантов – носителей языка – показывает, что многие из них испытывают дискомфорт: им трудно использовать архаичные слова вместо привычных названий месяцев и дней недели. Особенно это присуще удмуртам старшего поколения. Насколько эта тенденция окажется жизнеспособной, покажет время.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В учебном пособии были рассмотрены три тематические группы удмуртского языка ("Удмуртские фитонимы", "Личные имена удмуртов", "Удмуртский календарь") в контексте других языков. Объединяет их то, что они относятся к древним пластам лексики удмуртского языка. Изучение наиболее древних групп лексики свидетельствует о типе мышления удмуртов дохристианской поры.

Удмуртские фитонимы в целом относятся к исконному фонду удмуртского языка. Сравнительный анализ удмуртских, русских и интернациональных фитонимов показал, что в них заложены похожие мотивы номинации (внешний вид растений, место и время произрастания, связь с животным миром, свойства растений и др.). В принципах номинации отражается ментальность носителя крестьянской культуры, его жизненный опыт. На ранних этапах развития языков названия фитонимов были, как правило, мотивированными, что свидетельствует об универсальном характере человеческого мышления. Интернациональные фитонимы, проникшие в удмуртский язык через русский, имеют кроме того специфические принципы номинации, нераспространенные в удмуртском языке. Это названия в честь богов или реально живших людей. В качестве средства номинации в данном случае используются имена собственные. В целом удмуртские фитонимы подвержены интернационализации в незначительной степени. Растения, знакомые удмуртам с древних времен, обозначаются словами исконного фонда. Интернациональные названия вместе с самими растениями были завезены

русскими, либо, встречаясь в удмуртском языке, продолжают оставаться до сих пор экзотическими.

Личные имена являются одним из источников для изучения истории и культуры народа. На раннем этапе развития языка удмурты использовали в качестве личных имен исконные имена. В их основе лежат физические и моральные качества, ассоциации с животным и растительным миром, связь с сезонами года и циклом сельскохозяйственных работ, терминами родства и этнонимическими антропонимами.

Сравнительный анализ удмуртских, русских и интернациональных личных имен свидетельствует о схожести мотивов имянаречения. В личных интернациональных именах имеются кроме того специфические мотивы, давшие начало именам: виды деятельности человека, воинствующие качества, социальное положение, религиозный мотив, имена богов.

Первоначально удмурты использовали исконно удмуртские имена или заимствованные имена, отражающие первые контакты взаимодействия удмуртов с другими народами. При обращении удмуртов в христианскую веру русская церковь стала их нарекать христианскими (русскими для удмуртов) именами. На протяжении двух-трех столетий у удмуртов существовала дуальная модель имени: использование для одного человека языческого (первого) и христианского (второго) имени. В послеоктябрьский период удмурты стали давать своим детям русские имена.

На начальном этапе проникновения русские имена, являющиеся в большинстве случаев интернациональными, подчинялись фонетической и морфо-

логической системе удмуртского языка. В современном языке изменения встречаются только в разговорной речи. Официальные имена употребляются на графическом и фонетическом уровнях в русском варианте.

Классификация исконных удмуртских названий месяцев показывает, что преобладающее их большинство мотивировано природными явлениями, сельскохозяйственными работами и вытекающими из них празднично-обрядовыми мероприятиями.

Дохристианские названия дней недели в удмуртском языке связаны с явлениями природы и обычаями. У славянских народов, в том числе русского, месяцы также назывались по особенно заметным свойствам природы. В этом проявляется сходство мышления разных народов.

В удмуртском языке исконно удмуртские названия месяцев и дней недели существовали длительное время. Во второй половине XIX в. в памятниках удмуртского языка зафиксированы русские названия месяцев и дней недели. Этот период связан с изданием большого количества переводной религиозной литературы, благодаря которой происходит внедрение лексики, относящейся к христианской вере. Названия месяцев и дней недели связаны с внедрением православных праздников среди удмуртов. На протяжении длительного времени в удмуртском языке существовала дуальная модель удмуртского календаря: использование исконно удмуртских и заимствованных христианских названий. Затем удмуртский язык полностью перешел на христианские (русские) названия. Старые названия

сохранились в тех диалектах, носители которых не подвергались или мало подвергались христианизации.

Сравнительный анализ названий месяцев года и дней недели показывает, что удмуртский и русский языки используют в названиях месяцев и дней недели интернациональную лексику, образованную на латинской основе. Название месяцев совпадает с аналогичными названиями других европейских языков (в частности французского, английского, немецкого). Для названий дней недели в языках Западной Европы употребляются названия дней недели римлян более позднего периода. Таким образом, латинские элементы русского и удмуртского языков являются частью интернационального лексического фонда.

В современном удмуртском языке в последние десять лет удмуртской интеллигенцией усиленно внедряются архаичные названия, обозначающие месяцы года и дни недели. Насколько эта тенденция окажется жизнеспособной, покажет время.

Внутри наиболее древних подсистем удмуртского языка обнаружилось следующее. Национальное проявление наиболее ярко выражено в тематической группе "Удмуртская фитонимия". Группы "Личные имена удмуртов" и "Удмуртский календарь" подвержены наибольшей интернационализации. Это объясняется внешними факторами, а именно социальными, которые связаны с христианизацией удмуртского народа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аверьянова В.Г.* Фитонимика говоров Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1989.
2. *Акуленко В.В.* Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1972. 215 с.
3. *Алатырев В.И.* Этимологический словарь удмуртского языка. Ижевск, 1988.
4. *Архипов Г.А.* Удмуртская ономастика // Всесоюз. конф. по вопросам финно-угорского языкознания: Тез. докл. и сообщ. Ужгород, 1963. С. 30–32.
5. *Архипов Г.А.* Удмуртские заимствования в русском языке: (на материале ономастики) // Всесоюз. конф. по финно-угроведению: Тез. докл. и сообщ. Сыктывкар, 1965. С. 6–8.
6. *Архипов Г.А.* Некоторые вопросы удмуртской ономастики // Вопросы удмуртской диалектологии. Ижевск, 1977. С. 110–123.
7. *Архипов Г.А.* Исторические пласты удмуртской антропонимии // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Turku, 1981. Pars 7. S. 3–8.
8. *Асмолов Л.Г.* Об организации взаимодействия образовательных учреждений и обеспечении преемственности дошкольного и начального общего образования // Дошкольное воспитание. 1994. № 6.
9. *Атаманов М.Г.* Личные имена закамских удмуртов // Вопросы удмуртской диалектологии и ономастики. Ижевск, 1983. С. 65–89.

10. *Атаманов М.Г.* Обряды и поверья удмуртов, связанные с именами // Семейный и общественный быт удмуртов в XVIII–XX вв. Устинов, 1985. С. 91–105.
11. *Атаманов М.Г.* Удмуртская ономастика. Ижевск: Удмуртия, 1988. 168 с.
12. *Атаманов М.Г.* Общепермский пласт удмуртских антропонимов // Вопросы финно-угорской ономастики: Сб. ст. Ижевск, 1989. С. 169–181.
13. *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 607 с.
14. *Баранникова Л.И.* Основные сведения о языке. М.: Просвещение, 1982. 112 с.
15. *Белых С.К.* Фактор христианизации в этнической истории пермских народов // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 1997. С. 171–173.
16. *Бестужев-Лада И. В.* Исторические тенденции развития антропонимов // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики: Сб. ст. / Отв. ред. В.А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 24–33.
17. *Бим И.Л.* Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе. М., 1988.
18. *Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л.* Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века: Языковые контакты и заимствования / Отв. ред. Ю.С. Сорокин. Л.: Наука, 1972. 431 с.
19. *Боброва Т.А.* Фитонимы на -ик(а), -иц(а) в русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.

20. *Бондалетов В. Д.* Динамика личных имен в XX веке // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы антропонимики: Сб. ст. / Отв. ред. В.А. Никонов. М.: Наука, 1970. С. 91–105.
21. *Бондалетов В. Д.* Русский именник, его состав, статистическая структура и особенности изменения // Ономастика и норма: Сб. ст. М.: Наука, 1976.
22. *Бондалетов В. Д.* Финно-угорские заимствования в русском языке: Учеб. пособие к спецкурсу / Самар. гос. пед. ин-т. Самара: Изд-во СамГПИ, 1992. 159 с.
23. *Борисов Т.К.* Удмурт кыллюкам: Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1932.
24. *Брагина А.А.* Русское слово в языках мира. М.: Просвещение, 1978.
25. *Бушмакин С.К.* Дохристианские личные имена удмуртов // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем: Проблемы антропонимики. М., 1970а. С. 263–267.
26. *Бушмакин С.К.* Лексико-семантический анализ древнеудмуртских антропонимов // Антропонимика. М., 1970б. С. 267–276.
27. *Васильев И.* Языческие имена вотяков // Известия Общества изучения Прикамского края. Сарапул, 1917. С. 27–28.
28. *Верещагин Г.Е.* Вотяки Сосновского края // Записки РГО. СПб., 1886. Т. 14, вып. 2. 218 с.
29. Взаимовлияние и взаимообогащение языков народов СССР / Под ред. Ю.Д. Дешериева. М.: Наука, 1987. 318 с.

30. *Владыкин В.Е., Христюлова Л.С.* История этнографии удмуртов: Краткий исторический очерк с библиографией. Ижевск: Удмуртия, 1984. 144 с.
31. *Владыкин В.Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
32. *Владыкин В.Е., Перевозчикова Т.Г.* Годовой обрядовый цикл удмуртской общины "бускель": (материалы к народному календарю) // Специфика жанров удмуртского фольклора / УдНИИ. Ижевск, 1990. С. 44–96.
33. *Власов В.Г.* Формирование календаря славян: Ранний период // Календарь в культуре народов мира. М.: Наука, 1993. С. 102–145.
34. *Георги И.Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов... СПб, 1799. Ч. 2. С. 55–67.
35. *Герд Кузубай.* К вопросу о происхождении вотяков: Удины и уды // Труды Научного общества изучения Вотского края. Ижевск, 1926. Вып. 2. С. 91–95.
36. *Гильмаев А.В.* Нунал нимъёсмы: (названия дней недели) // Кенеш. Ижевск. 1992. № 8. С. 54–55.
37. *Гридина Т.А.* О моделировании ономастической лексики // Слово в системных отношениях. Свердловск, 1982.
38. *Гридина Т.А.* Проблемы изучения народной этимологии. Свердловск, 1989.
39. *Демин А.П., Архипов Г.А.* Составные антропонимы удмуртов дер. Большой Унтем // Ономастика Поволжья-4. Саранск, 1976. С. 74–76.

40. *Дмитриева Л.В.* Из этимологий названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // Исследования в области этимологии алтайских языков. Л., 1979. С. 135–191.
41. Документы по истории Удмуртии XV–XVII веков // Удмурты в XV–XVII веках / Сост. П.Н. Луппов. Ижевск, 1958.
42. *Емельянов А.И.* Курс по этнографии вотяков. Казань, 1921. Вып. 3.
43. *Ефимов А.И.* История русского литературного языка. 3-е изд., испр. М.: Высш. шк., 1971. 294 с.
44. *Загуляева Б.Ш.* Названия растений в удмуртских диалектах // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка: Сб. ст. / Удм. ИИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 1990. С. 39–52.
45. *Закревская В.Я.* Лингвогеографический аспект изучения отраслевой лексики // ОЛА: Материалы исследования. М., 1970.
46. *Звезда Г.В.* Слово и характер словотворчества в народном месяцеслове: (На материале временной лексики) // Язык и этнический менталитет: Сб. науч. тр. Петрозаводск, 1995. С. 114–124.
47. *Зеленина Т.И.* Греко-латинские элементы в удмуртском языке // Вопросы грамматики и контактирования языков: Сб. ст. / Удм. ИИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 1990. С. 171–178.
48. *Зеленина Т.И.* Цветов язык и аромат... (история слов, мифы, легенды, были, стихи о цветах). Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. 124 с.
49. *Зеленина Т.И.* Интернациональные личные имена: Этимологический словарь. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 68 с.

50. *Зеленина Т.И.* Интернациональный характер названий дней недели в европейских языках // Тез. докл. 4-й Российской универ.-акад. науч.-практ. конф. Ижевск, 1999. Ч. 3. С. 46–48.
51. *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1990. 400 с.
52. *Игушев Е.А.* Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973. 19 с.
53. *Измайлова А.С.* Удмуртская литература в контексте языческих и христианских традиций // Духовная культура финно-угорских народов: история и проблемы развития / Материалы междунар. науч. конф. Ч. 1: Языкознание. Фольклор и литературное краеведение. Глазов, 1997. С. 97–98.
54. *Калиневич М.М.* Заимствования из французского языка в современном русском литературном языке в свете фонологической и морфологической систем / Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu // Seria filologia rosyjska. Poznan, 1978. № 13. С. 7–52.
55. *Кельмаков В.К.* Вашкала толэзь нимьёс: (Древние названия месяцев) // Молот. Ижевск. 1970. № 2. С. 55–57.
56. *Кельмаков В.К.* Три этапа в истории удмуртской антропонимии // Ономастика Поволжья-3. Уфа, 1974. С. 59–65.
57. *Ковалевская Е.Г.* Иноязычная лексика в произведениях Н.М. Карамзина // Материалы исследования по лексике русского языка XVIII века. М.; Л.: Наука, 1965. С. 226–251.

58. *Коновалова Н.И.* Словарь народных названий растений Урала. Екатеринбург, 2000.
59. *Коновалова Н.И.* Народная фитонимия как фрагмент языковой картины мира. Екатеринбург: Изд-во Дома учителя, 2001. 150 с.
60. *Крысин Л.П.* Жизнь слова. М.: Просвещение, 1980. 176 с.
61. Культурология: История мировой культуры / Под ред. проф. А.Н. Марковой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998. 600 с.
62. Латинский язык: Учебник для факультетов иностр. яз. пед. ин-тов / Под общей ред. В.Н. Ярхо и В.И. Лободы. М.: Просвещение, 1969. 384 с.
63. *Лебель П.* Имена людей. Париж, 1949.
64. Личные имена в прошлом, настоящем и будущем / Под ред. В.А. Никонова. М.: Наука, 1970. 343 с.
65. *Луппов П.Н.* Христианство у вотяков со времени первых исторических известий о них до XIX в. СПб., 1889. 333 с.
66. *Луппов П.Н.* Христианство у вотяков в первой половине XIX в.: Исследование. Вятка: Губерн. типогр., 1911. 610 с.
67. *Лыткин В.И.* О некоторых иранских заимствованиях в пермских языках // Изв. АН СССР (отд. лит. и яз.). М.; Л., 1951. Т. 10, вып. 4. С. 385–392.
68. *Лыткин В.И.* Пермско-иранские языковые контакты // ВЯ. 1975. № 3. С. 84–97.
69. *Люстрова З.Н., Скворцов Л.И., Дерягин В.Я.* Беседы о русском слове. М.: Знание, 1976.

70. *Марсакова Т.Т.* Сложные слова и фразеологические обороты, обозначающие растения в русском языке (типология и происхождение): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973.
71. *Маслов Ю. С.* Введение в языкознание. М.: Высш. шк., 1975. 272 с.
72. *Меркулова В.А.* Очерки по русской народной номенклатуре растений: Травы. Грибы. Ягоды. М.: Наука, 1967.
73. *Миннихметова Т.Г.* Календарные обряды закамских удмуртов: Монография / Удм. ИИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 2000. 168 с.
74. *Назарян А.Г.* Идиоматические выражения французского языка. М.: Просвещение, 1978. 159 с.
75. *Насибуллин Р.Ш.* Русские заимствования в удмуртском языке: (дооктябрьский период): Дис. ... д-ра филол. наук: В 2 т. Ижевск, 1998а.
76. *Насибуллин Р.Ш.* Типы языковых заимствований в удмуртском языке // Вордском кыл. 1998б. № 1. С. 40–47.
77. *Насибуллин Р.Ш.* Русские заимствования в удмуртском языке: (дооктябрьский период): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ижевск, 1999. 46 с.
78. *Никонов В. А.* Имя и общество. М.: Наука, 1974. 278 с.
79. *Никонов В. А.* Русская адаптация иноязычных личных имен // Ономастика: Сб. ст. / Ред. В.А. Никонов и А.В. Суперанская. М.: Наука, 1969.
80. *Никонов В. А.* Французы // Системы личных имен у народов мира / Отв. ред. М.В. Крюков. М.: Наука, 1989.

81. Ономастика: Сб.ст. / Ред. В.А. Никонов и А.В. Суперанская. М.: Наука, 1969. 261 с.
82. Ономастика: Типология. Стратиграфия: Сб. ст. / Отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1988. 263 с.
83. Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. 464 с.
84. *Откупщиков Ю.В.* К истокам слова. 3-е изд., испр. Л.: Просвещение, 1986. 175 с.
85. *Павел В.К.* Лексическая номинация: На материале молдавских народных говоров / Под ред. Р.Я. Удлера. Кишинев: Штиинца, 1983. 231 с.
86. *Первухин Н.Г.* Эскизы преданий и быта инородцев Глазовского уезда. Вятка, 1888. Эскиз 1, 2.
87. *Перевозчикова Т.Г.* Примеры и поверья удмуртов о погоде // Фольклор и этнография удмуртов: обряды, обычаи, поверья / УдНИИ. Ижевск, 1989. С. 44–84.
88. *Первоициков П.Н.* Роль русского языка в развитии культуры удмуртского народа. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1963. 33 с.
89. *Пименов В.В.* К изучению удмуртских традиционных личных имен // Этнография имен. М., 1971. С. 76–80.
90. *Поздеева И.П.* Особенности фонетической интерференции в русской речи удмуртов // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка: Сб. ст. Устинов, 1986. С. 45–54.

91. *Попова Е.В.* Семейные обычаи и обряды бесермян: (конец XIX – 90-е годы XX вв.): Монография / Удм. ИИЯЛ УрО АН СССР. Ижевск, 1998. 241 с.
92. *Прокуровская Н.А.* К вопросу о влиянии удмуртского языка на разговорную речь русских // Вопросы грамматики и контактирования языков: Сб. ст. Ижевск, 1990. С. 111–114.
93. *Прокуровская Н.А.* Город в зеркале своего языка: (На языковом материале г. Ижевска): Монография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. 225 с.
94. *Ракин А.Н.* Основные принципы номинации трав и ягод в коми языке и народная этимология. Сыктывкар, 1977.
95. *Ракин А.Н.* Флористическая терминология коми языка: (этимологический анализ) // Вопросы лексикологии коми языка. Сыктывкар, 1979.
96. *Ракин А.Н.* Антропонимическая лексика в пермских языках / РАН. УрО. Коми науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. Сыктывкар, 1996. 156 с.
97. *Ракин А.Н.* Иноязычный компонент индивидуально-пермской антропонимической лексики // Пермистика 7: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками: Сб. ст. Сыктывкар, 1999. С. 162–168.
98. *Рубченко А.А.* Семантические способы формирования французской ботанической терминологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1986.
99. РУСл. – Русско-удмуртский словарь / Под ред. В.М. Вахрушева. М.: ГИС, 1956. 1360 с.
100. *Рыбаков Б.А.* Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.

101. *Ряховская Л.С.* Метафоризация субстантивных уменьшительно-ласкательных образований как одно из средств создания ботанической номинации // Уч. зап. Рязан. ГПИ. М., 1967. Т. 40.
102. *Симченко Ю.Б., Смоляк А.В., Соколова З.П.* Календарь народов Сибири // Календарь в культуре народов мира. М.: Наука, 1993. С. 201–254.
103. *Смирнов И.Н.* Вотяки: Историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань, 1890. Т. 8, вып. 11.
104. *Соколов С.В.* О древних именах удмуртов // Ономастика. М.: Наука, 1969. С. 109–112.
105. *Суперанская А.В.* Языковые и внеязыковые ассоциации собственных имен // Антропонимика. М.: Наука, 1970. С. 7–17.
106. *Тараканов И.В.* Заимствованная лексика в удмуртском языке: Удмуртско-тюркские языковые контакты. Ижевск: Удмуртия, 1982. 188 с.
107. *Тараканов И.В.* Возникновение, развитие удмуртского литературного языка и пути обогащения его лексики в современную эпоху // Республиканская термино-орфографическая комиссия по удмуртскому языку. Бюллетень № 1. Ижевск, 1998. С. 108–117.
108. *Тарланов З.К.* Хроникальные заметки // ВЯ. 1995. № 1. С. 74–75.
109. *Телия В.Н.* Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
110. *Тепляшина Т.И.* О древнеудмуртских личных именах // СФУ. Таллин, 1969а. № 1. С. 49–57.

111. *Тепляшина Т.И.* Удмуртские личные имена XV–XVII веков // Всесоюз. конф. по финно-угроведению. Йошкар-Ола, 1969б. С. 72–74.
112. *Тепляшина Т.И.* Двойные имена удмуртов // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. М., 1970а. С. 162–166.
113. *Тепляшина Т.И.* Русская адаптация древнеудмуртских имен // Антропонимика. М., 1970б. С. 276–280.
114. *Тепляшина Т.И.* Динамика антропонимии удмуртов Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. 4. С. 306–310.
115. *Тепляшина Т.И.* Антропонимия бавлинских удмуртов // СФУ. Таллин, 1972. № 1. С. 47–54.
116. *Тепляшина Т.И.* Антропонимические модели пермских языков / Отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука, 1978. 138 с.
117. *Толстая С.М.* К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели // Языки культуры и проблемы переводимости. М., 1987. С. 154–168.
118. *Уваров А.Н.* Удмурт кылын календарьёс сярьсь (О календарях на удмуртском языке) // Молот. Ижевск, 1986. № 1. С. 62–63.
119. УРСл. – Удмуртско-русский словарь / Под ред. В.М. Вахрушева. М.: Рус. яз., 1983. 590 с.
120. *Успенский Л.В.* Слово о словах: (очерки о языке). М.: Мол. гвардия, 1967. 389 с.
121. *Утехина А.Н.* Иностранный язык в дошкольном возрасте: Теория и практика. Ижевск: Изд. дом "Удмуртский университет", 2000. 247 с.
122. *Уфимцева А.А.* Лексическая номинация: Виды наименований. М., 1977.

123. *Филатов В.М.* Раннее обучение иностранному языку. Ростов н/Д, 1996.
124. *Хайруллин М.Б.* Некоторые вопросы единства интернационального и национального в разных языках. Казань, 1991. 70 с.
125. *Шарашова М.К.* Наричательные образования от имен собственных: (на материале русских названий растений): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1968.
126. *Шур Я.И.* Рассказы о календаре. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1962. 215 с.
127. *Шеулина Г.Л.* О мотивированности названий растений в связи с особенностями их словопроизводства // Собрание по ОЛА. Тез. докл. М., 1975.
128. *Щетинкин В.Е.* История французского языка. М.: Высш. шк., 1984. 188 с.
129. *Юлдашев А.А.* Татарские имена // Справочник личных имен народов РСФСР. М., 1965. С. 160–173.
130. Язык и этнический менталитет: Сб. науч. тр. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. ун-та, 1995. 163 с.
131. D – *Dauzat A., Dubois J., Mitterand H.* Nouveau dictionnaire étymologique et historique. 5-ième éd. P.: Larousse, 1981. 805 p.
132. *Dauzat A.* Les noms de personnes, origine et évolution. P., 1950.
133. *Garrus R.* Les étymologies surprises. P.: Éd. Belin, 1988. 349 p.
134. *Guyot L., Gibassier P.* Les noms des plantes. 2e éd. P.: Presses univ. de France, 1967. 127 p.
135. *Guyot L., Gibassier P.* Les noms des fleurs. 2e éd. P.: Presses univ. de France, 1968. 125 p.

136. *Henry G.* Dictionnaire des mots qui ont une histoire. P.: Tallandier, 1989. 261 p.
137. *Munkácsi B.* Volksbräuche und Volksdichtung der Wotjaken. Aus dem Nachlasse von Bernhárd Munkácsi / Herausgegeben von D.R. Fuchs. Helsinki, 1952. XXXVII + 715 S.
138. *Munkácsi B.* Votják népköltészeti hagyományok. Budapest, 1887. 335 old.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ.....	6
РАЗДЕЛ 1. НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В УДМУРТСКОЙ ФИТОНИМИИ	10
1.1. Принципы номинации растений в удмуртском языке.....	10
1.2. Принципы номинации растений в русском языке. Интернациональная лексика (в контексте изучения удмуртских фитонимов)	28
РАЗДЕЛ 2. НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В ЛИЧНЫХ ИМЕНАХ УДМУРТОВ.....	42
2.1. Личные имена в удмуртском языке.....	44
2.2. Личные имена в русском языке	67
2.3. Этимология интернациональных личных имен	75
РАЗДЕЛ 3. НАЦИОНАЛЬНОЕ И ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОЕ В УДМУРТСКОМ КАЛЕНДАРЕ (в сопоставлении с данными русского и других языков).....	88
3.1. Названия месяцев года.....	89
3.2. Названия дней недели.....	110
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	121
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	125

Тамара Ивановна Зеленина

**ИНОЯЗЫЧНАЯ И ИСКОННАЯ ЛЕКСИКА
В УДМУРТСКОМ ЯЗЫКЕ**

**Опосредованные заимствования
в отдельных лексических подсистемах**

Учебное пособие

Редактор Н.М. Платоненко.
Технический редактор В.И. Бацекало.
Оригинал-макет А.О. Талашев.

Лицензия ЛП № 000156 от 27.04.99.
Подписано в печать 17.12.2001.
Формат 60x84 ¹/₁₆. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,1. Уч. изд. л. 5,1.
Тираж 300 экз. Заказ №

Издательский дом "Удмуртский университет"
426034, Ижевск, Университетская, 1

Типография Удмуртского государственного
университета.
426034, Ижевск, Университетская, 1.